

Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии

Под редакцией
Алексея Арбатова
и Василия Михеева

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Carnegie Endowment for International Peace

Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии

Под редакцией
Алексея Арбатова
и Василия Михеева

Москва
2005

Вниманию читателей предлагается третья публикация в рамках общего проекта «Ядерное нераспространение в эпоху глобализации», проводимого под эгидой Московского Центра Карнеги. Первое исследование было посвящено политике пяти великих держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН, имеющих официальный ядерный статус по договору о нераспространении ядерного оружия. Во второй работе анализировалась проблема ядерного противостояния и нераспространения применительно к Индии и Пакистану. Настоящий доклад рассматривает политические, военные, экономические и договорно-правовые вопросы ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии. Авторы выражают благодарность Фонду Джона Д. и Кэтрин Макартуров, Фонду Старр и Корпорации Карнеги Нью-Йорка за их поддержку проекта. Мы признательны руководству, научным и административно-техническим сотрудникам Фонда Карнеги за Международный Мир (Вашингтон) и Московского Центра Карнеги, а также всем специалистам из России и других стран, принявшим участие в обсуждении настоящей работы. Их идеи и предложения оказали большую помощь при работе над докладом, хотя он, разумеется, отражает взгляды исключительно российских ученых — авторов и редактора публикации, которые несут полную ответственность за его содержание. Особой признательности заслуживают консультанты и рецензенты доклада, в первую очередь председатель Совета ПИР-Центра, Чрезвычайный и Полномочный Посол Р. Тимербаев и советник управления международного и внешнеполитического сотрудничества Федерального агентства по атомной энергии М. Беляева. Их замечания оказали авторам неоценимую помощь при доработке доклада даже в тех случаях, когда они не были приняты, но заставили более аргументированно обосновывать свои положения.

Научно-техническое обеспечение — В. Евсеев и Е. Богатырева.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2005

Полная или частичная перепечатка данной публикации возможна только с письменного согласия Московского Центра Карнеги. При цитировании ссылка на издание обязательна.

Московский Центр Карнеги

Россия, 103009 Москва, Тверская ул., 16/2.

Тел.: (095) 935-8904.

Факс: (095) 935-8906.

Эл. почта: info@carnegie.ru.

Интернет: <http://www.carnegie.ru>.

Электронные версии всех публикаций Московского Центра Карнеги: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs>.

Оглавление

Резюме	4
Об авторах	7
Принятые сокращения	7
Введение	8
Глава 1. Северокорейский «ядерный вопрос»	9
Глава 2. Политика Китая в Северо-Восточной Азии в контексте проблем ядерной безопасности	17
Глава 3. О «ядерном выборе» Японии	22
Глава 4. Южная Корея	31
Выводы	33
О Фонде Карнеги	37

В Северо-Восточной Азии военно-политическая ситуация включая проблему распространения ядерного оружия определяется сложным переплетением ряда совершенно разноплановых моментов. Среди них: неразрешенность со времен Корейской войны конфликтного состояния отношений Севера и Юга полуострова, огромная концентрация противостоящих здесь друг другу вооруженных сил и вооружений (сопоставимая по многим параметрам с вооруженным противостоянием в центре Европы в годы «холодной войны», но сосредоточенная на гораздо меньшем пространстве), наличие двух разделенных вот уже более полувека народов (корейского и китайского), прямая вовлеченность в конфликтную зону трех из пяти великих ядерных держав — России, США, КНР. Региону присущ огромный потенциал дальнейшего распространения ядерного оружия ввиду единственного в своем роде прецедента выхода государства (КНДР) из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и наличия целого ряда потенциальных ядерных держав (КНДР, Японии, Южной Кореи, Тайваня).

В настоящем исследовании анализируется внешняя политика и ядерные программы Северной Кореи, Китая, Японии и Южной Кореи. В глазах мировой общественности наиболее опасной выглядит северокорейская ядерная программа. О ней много пишут и спорят политики и эксперты, на ее разрешение нацелены шестисторонние переговоры с участием, помимо самой КНДР, трех ядерных держав — США, России и Китая, а также двух потенциально ядерных стран — Японии и Южной Кореи. При этом за разногласиями в оценках имеющегося у КНДР оружейного ядерного материала или даже ядерных боезарядов упускается из виду много более важный вопрос: каковы реальные планы внутреннего экономического и политического развития высшего руководства страны? Именно ответ на этот вопрос определяет объяснение истинных мотивов выхода КНДР из ДНЯО, характера и целей ее ядерной программы и в конечном счете вероятность ядерного распространения и даже новой войны в регионе. Наибольшую озабоченность должен вызывать не только сам по себе предполагаемый ядерный потенциал Пхеньяна, но и тот факт, что военная ядерная программа осуществляется тоталитарным северокорейским режимом, не имеющим никаких экономических и политических перспектив, причем в условиях застарелой неразрешенности проблем военно-политического противостояния Севера и Юга Кореи.

На фоне всеобщей обеспокоенности по поводу северокорейского ядерного кризиса по большей части в тени остаются другие угрозы региональной и глобальной ядерной безопасности, связанные с вероятностью быстрого наращивания ракетно-ядерного потенциала Китая и технологическими возможностями Японии в кратчайшие сроки создать собственные мощные ракетно-ядерные силы. Признание Сеулом факта успешного эксперимента по обогащению урана до оружейного уровня в 2004 г. можно интерпретировать как демонстрацию Южной Кореи своих возможностей создания ядерного оружия.

При этом общепризнанно, что ключевым вопросом ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии является исход эпопеи с ядерной программой КНДР. Он определит на обозримый период как вероятность ядерного распространения применительно к Японии и Южной Кореи, так и судьбу режима и механизмов ДНЯО в глобальном масштабе, степень опасности вооруженного конфликта в регионе, дальнейшего расползания ядерных и ракетных технологий по всему миру, возможность получения доступа международного терроризма к ядерному оружию.

Участники настоящего проекта полагают, что сейчас КНДР еще не имеет ядерного оружия в полном смысле слова и сталкивается на этом пути с большими техническими и экономическими трудностями. Политика Пхеньяна строится на блефе, и его ядерная программа, как и отношение к ДНЯО и системе гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), скорее всего рассматривается там в качестве козырной карты для выторговывания себе международного признания, гарантий безопасности, экономической помощи в целях продления выживаемости тоталитарного политического режима и облегчения катастрофического экономического положения страны.

Вместе с тем продолжение военной ядерной программы КНДР в отсутствие контроля и гарантий МАГАТЭ рано или поздно, возможно, уже в ближайшие годы, способно увенчаться созданием применимых в военном отношении ядерных боеприпасов и ограниченного количества ядерных средств на баллистических носителях оперативно-тактической и средней дальности. Помимо перечисленных угроз для международной безопасности это способно привести к непредсказуемым последствиям, если совпадет с крахом режима и полной дестабилизацией социально-политического положения на полуострове.

В свете перечисленных обстоятельств шестисторонние переговоры представляют собой первостепенную воз-

возможность предотвратить кризис и достичь политического урегулирования проблемы. По мнению авторов доклада, для этого требуется резкое повышение их эффективности и темпов продвижения к соглашению. Прежде всего стоит задача выработки единой стратегии, приоритетов и тактики пятерки, которых сейчас нет. Далее, необходимо сформировать оптимальный пакет соглашений по разным пунктам повестки дня и расширить ее для охвата более масштабных проблем безопасности региона и исключения саботажа со стороны Пхеньяна. Наконец, ввиду огромной неопределенности относительно мотивов и целей политики КНДР пятерке следует самостоятельно сформировать пакет соглашений как основы договоренности и использовать все меры для обеспечения принятия их Северной Кореей. Разумеется, этот пакет должен быть приемлем также и для нее с соблюдением обязательного условия прекращения военной ядерной программы.

Тот факт, что гарантии безопасности, политический диалог и экономическая помощь в краткосрочной перспективе повысят престиж и статус тоталитарного северокорейского режима внутри страны и за его пределами, продлят его существование, едва ли должен смущать Запад и российских демократов. В среднесрочной перспективе вовлечение КНДР в экономику и политику региона будет способствовать большей открытости страны, рыночным реформам, политическому разрых-

лению и размыванию жесткой тоталитарной системы. Это создаст почву для последующего постепенного объединения Северной и Южной Кореи на основе экономики и политической структуры последней, уменьшит вероятность обвальных процессов и резкой социально-политической и военной дестабилизации положения на полуострове.

Такой комплекс соглашений скорее всего снимет вопрос ядерного выбора Японии и Южной Кореи в среднесрочном плане. Дополнительно гарантировать его на постоянной основе может подключение КНР к ограничениям стратегических ядерных вооружений, например, в трехстороннем формате вместе с Россией и США (некоторые варианты такого ограничения изложены в первом докладе настоящего проекта — «Ядерное сдерживание и нераспространение»).

В более широком плане шестисторонние переговоры следует превратить в постоянно действующий форум обсуждения и решения проблем Северо-Восточной Азии: укрепления региональных механизмов и режимов ядерного нераспространения, ограничения и сокращения ядерного оружия, сил общего назначения, мероприятий Инициативы по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения, борьбы с терроризмом, браконьерством, пиратством, торговлей наркотиками и других современных вопросов безопасности.

Об авторах

Арбатов Алексей Георгиевич — член-корреспондент РАН, руководитель Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН, член научного совета Московского Центра Карнеги, руководитель программы «Ядерное нераспространение в эпоху глобализации».

Каменнов Павел Борисович — кандидат политических наук, заместитель директора Центра исследований Восточной Азии Института Дальнего Востока РАН.

Михеев Василий Васильевич — член-корреспондент РАН, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, член научного совета Московского Центра Карнеги, председатель программы «Азиатская безопасность».

Павлятенко Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН.

Принятые сокращения

АСЕАН	— Ассоциация стран Юго-Восточной Азии
БРСД	— баллистическая ракета средней дальности
ДВЗЯИ	— Договор по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний
ДНЯО	— Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ	— Договор об обычных вооружениях в Европе
ИБОР	— Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения
КЕДО	— Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове
ЛВР	— легководный ядерный реактор
МАГАТЭ	— Международное агентство по атомной энергии
ОЯТ	— отработанное ядерное топливо
ПРО	— противоракетная оборона
РГЧ ИН	— разделяющиеся головные части индивидуального наведения
РКРТ	— Режим контроля над ракетной технологией
СВА	— Северо-Восточная Азия
ЯО	— ядерное оружие

Особенностью Северо-Восточной Азии (СВА) прежде всего является то обстоятельство, что военно-политическая ситуация в этом регионе включая распространение ядерного оружия (ЯО) определяется сложным переплетением ряда совершенно разноплановых моментов. Среди них:

- неразрешенность со времен Корейской войны конфликтного состояния отношений Севера и Юга полуострова;
- огромная концентрация противостоящих здесь друг другу вооруженных сил и вооружений (сопоставимая по многим параметрам с вооруженным противостоянием в центре Европы в годы «холодной войны», но сосредоточенная на гораздо меньшем пространстве);
- наличие двух разделенных вот уже более полувека народов (корейского и китайского);
- прямая вовлеченность в конфликтную зону трех из пяти великих ядерных держав (России, США, КНР);
- огромный потенциал дальнейшего распространения ядерного оружия в регионе ввиду единственного в своем роде прецедента выхода государства (КНДР) из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и наличия целого ряда потенциальных ядерных держав (КНДР, Япония, Южная Корея, Тайвань);
- исключительное влияние внутренних факторов на перспективы эволюции военно-стратегических отношений в регионе включая ядерное распространение (внутриполитические тенденции в КНДР, России, КНР, Японии).

В настоящем исследовании анализируется ядерная политика Северной Кореи, Китая, Японии и Южной Кореи.

В глазах мировой общественности наиболее опасной выглядит северокорейская ядерная программа. О ней много пишут и спорят политики и эксперты, на ее решение нацелены шестисторонние переговоры с участием, помимо самой КНДР, трех ядерных держав: США, России и Китая, а также двух потенциально ядерных стран: Японии и Южной Кореи. При этом за разно-

гласиями в оценках имеющегося у КНДР оружейного ядерного материала или даже ядерных боезарядов упускается из виду много более важный вопрос: каковы реальные планы внутреннего экономического и политического развития высшего руководства страны? Именно ответ на этот вопрос определяет объяснение истинных мотивов выхода КНДР из ДНЯО, характера и целей ее ядерной программы и в конечном счете вероятность ядерного распространения и даже новой войны в регионе. Наибольшую озабоченность должен вызывать не столько сам по себе предполагаемый ядерный потенциал Пхеньяна, сколько тот факт, что военная ядерная программа осуществляется тоталитарным северокорейским режимом, не имеющим никаких экономических и политических перспектив, причем в условиях застарелой неразрешенности проблем военно-политического противостояния Севера и Юга Кореи.

На фоне всеобщей обеспокоенности по поводу северокорейского ядерного кризиса по большей части в тени остаются другие угрозы региональной и глобальной ядерной безопасности, связанные с вероятностью быстрого наращивания ракетно-ядерного потенциала Китая и технологическими возможностями Японии в кратчайшие сроки создать собственные мощные ракетно-ядерные силы. Признание Сеулом факта успешного эксперимента по обогащению урана до оружейного уровня в 2004 г. можно интерпретировать как демонстрацию Южной Кореей своих возможностей создания ядерного оружия.

В этих условиях Северо-Восточная Азия в целом (а не только Северная Корея) должна рассматриваться в совокупности политических, экономических, военных, внутри- и внешнеполитических, договорно-правовых особенностей как регион, откуда в ближайшие годы может исходить большая угроза развала международного режима нераспространения ядерного оружия, утечки такого оружия или ядерных оружейных материалов в руки международного терроризма и даже вооруженного конфликта с применением ЯО.

Глава 1.

Северокорейский «ядерный вопрос»

Как известно, в октябре 2002 г. во время визита в КНДР помощника государственного секретаря США Дж. Келли северокорейская сторона в ответ на обвинение в наличии у нее секретной программы обогащения урана признала этот факт, что является прямым нарушением режима гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) по ДНЯО¹. Затем в конце октября Пхеньян официально заявил о своем праве иметь «атомное и более мощное оружие для самообороны», на что Соединенные Штаты, Япония и Южная Корея отреагировали прекращением поставок мазута и строительства АЭС на легководных реакторах (так называемый проект КЕДО от 1994 г.). В декабре 2002 г. КНДР заявила о возобновлении своей ядерной программы, удалила всех инспекторов МАГАТЭ с замороженных по соглашению 1994 г. объектов, расконсервировала реактор-наработчик плутония в Энбене и приступила к переработке 8000 облученных топливных стержней для сепарации плутония². 10 января 2003 г. КНДР официально уведомила о своем предстоящем выходе из ДНЯО и прекращении сотрудничества с МАГАТЭ, а через три месяца (согласно ст. X ДНЯО) вышла из Договора.

В апреле 2003 г. Пхеньян объявил о намерении создать ядерное оружие, а в мае в одностороннем порядке вышел из соглашения 1992 г. с Южной Кореей о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной. Последовали три раунда шестисторонних переговоров (КНДР, Южная Корея, Россия, США, КНР, Япония) в 2003—2004 гг., закончившиеся безрезультатно. Наконец, 10 февраля 2005 г. КНДР заявила, что выходит из переговоров, и сообщила, что «изготовила несколько атомных зарядов для самообороны, чтобы противодействовать все более явной политике США... [которые] открыли свои попытки свергнуть политическую систему КНДР любой ценой, угрожая нанести по стране ядерный удар»³.

Тем не менее у мирового экспертного сообщества нет единого мнения о том, есть ли у Северной Кореи ядерное оружие. Отсутствует и возможность для достоверного технического выяснения этого вопроса, во всяком случае, до тех пор, пока КНДР не провела натурного ядерного испытания (индийско-пакистанская модель) или пока разнообразные свидетельства наличия ЯО не приобрели в совокупности характер несомненности (израильская модель). Сейчас же все дискуссии о северокорейской ядерной программе строятся на слухах, косвенных данных и оценках американских и бывших советских спецслужб.

Главный политический вопрос, вокруг которого ведутся технические и юридические споры и от ответа на который зависит курс ведущих держав в данной области, можно сформулировать так: является ли военная ядерная программа КНДР инструментом для получения ею политических и экономических плодов путем использования маневров вокруг ДНЯО и шестисторонних переговоров или, наоборот, выход из ДНЯО, переговоры и официальные заявления — тактика политического и пропагандистского обеспечения завершающего этапа программы создания Северной Кореей ядерного оружия?

Ядерная программа КНДР. Среди экспертов, как зарубежных, так и российских (МИД, силовые ведомства, ученые-ядерщики, независимые специалисты по военно-стратегической и разоруженческой проблематике, политологи-кореисты), преобладает мнение, что КНДР имеет военную ядерную программу на основе плутония. В целом, согласно доступным данным, страна обладает следующими объектами, которые могут быть использованы для ядерных исследований, энергетики и военных целей⁴:

- урановые шахты в Пакчхоне и Пенгансане;
- специальная лаборатория в Университете им. Ким Ир Сена в Пхеньяне;
- завод по производству топливных стержней и хранилище в атомном научно-исследовательском центре в Энбене;
- исследовательский ядерный реактор мощностью 5 МВт в Энбене (реактор двойного назначения: производство электроэнергии и оружейного плутония);
- радиохимическая лаборатория Института радиохимии в Энбене (для выделения плутония из отработанного ядерного топлива — ОЯТ).

Кроме того, в докладе Службы внешней разведки России от 1994 г. приводятся данные о наличии в КНДР следующих объектов, которые могут быть использованы для создания ядерного оружия:

- двух секретных заводов по обогащению урана;
- ядерного реактора мощностью 50 МВт в Энбене (реактор двойного назначения: производство электроэнергии и оружейного плутония);
- газографитного реактора мощностью 200 МВт на природном уране в Тэчхоне (реакторы этого типа нарабатывают повышенное содержание плутония в ОЯТ);
- энергетического реактора мощностью 1000 МВт.

Как представляется, 50-мегаваттный реактор в Энбене и реактор в Тэчхоне вряд ли могут в настоящее время

мя рассматриваться в качестве объектов, используемых для создания ядерного оружия, поскольку их строительство практически заморожено, а степень готовности не выходит за пределы нулевого цикла. По тем же причинам нельзя отнести к объектам военной ядерной программы КНДР энергетический реактор мощностью 1000 МВт.

Вызывает определенные сомнения информация о наличии в Северной Корее двух заводов по обогащению урана, поскольку достоверных данных о их существовании, мощности и расположении нет.

Однако мнения российских ученых-ядерщиков относительно того, есть ли у Пхеньяна «атомная бомба», расходятся. Помимо технических аргументов, те, кто считает, что у КНДР есть одно-два ядерных взрывных устройства, ссылаются на докладную записку бывших советских спецслужб в Политбюро ЦК КПСС от 1990 г.⁵ В ней указывалось, что в Енбене еще в 1990 г. была завершена разработка первого атомного взрывного устройства, однако испытание не проводилось в целях сокрытия информации от международной общественности.

Другие специалисты полагают, что при всем желании создать ЯО КНДР все еще не может этого сделать по техническим причинам, поскольку перечисленных выше объектов, мощностей и технологий для этого недостаточно. Также они ссылаются на другую записку спецслужб в адрес Политбюро ЦК КПСС от 1991 г.⁶, в которой подтверждается факт осуществления Северной Кореей военной ядерной программы, но отмечается отсутствие подтверждений того, что КНДР уже имеет ядерную бомбу.

Как представляется авторам настоящего доклада, у Северной Кореи, безусловно, есть военная ядерная программа, однако пока она не завершилась успехом — созданием ядерного оружия, под которым подразумевается ядерный боевой заряд с соответствующим носителем и системой управления и целеуказания. Правда, КНДР достигла немалых успехов в развитии (и экспорте) баллистических ракет и ракетных технологий. Там принято на вооружение до 100 ракет «Нодон-1» с дальностью стрельбы 1500 км и полезной нагрузкой до 1 т. Разрабатывались ракеты «Нодон-2» (соответственно 3000 км и 0,5 т), «Тэпходон-1» (5700 км и 0,5 т) и «Тэпходон-2», причем система последнего типа теоретически должна быть способна достичь даже Калифорнии. Однако после единственного испытания системы «Тэпходон-1» в ракетной программе наступила пауза, обусловленная, судя по всему, растущими техническими и кадровыми трудностями⁷. Как считают российские специалисты, решить задачу сборки компактной боеголовки и ее сопряжения с ракетным носителем Северной Корее пока не удастся.

Что касается ядерных зарядов, нельзя исключать вероятность того, что в КНДР собрано несколько взрывных

устройств, в дееспособности которых само военно-политическое руководство не уверено без проведения натурного испытания. Видимо, такое испытание не проводится по двум причинам. Во-первых, из опасения международных последствий включая применение силы Соединенными Штатами по объектам ядерной инфраструктуры с санкции Совета Безопасности ООН или в одностороннем порядке (при поддержке новой «коалиции желающих»). Поскольку ядерного оружия в полном смысле слова у Пхеньяна нет, гипотетически собранные устройства не могут служить полноценным средством ядерного сдерживания, а скорее призваны быть инструментом «имманентного сдерживания», т. е. создавать для предполагаемого агрессора не определенность возмездия, а неопределенность прогнозируемых последствий.

Во-вторых, неудачное испытание, если бы о нем стало известно из информации технических средств наблюдения других стран или агентурных источников, не только нанесло бы тяжелый удар по престижу Пхеньяна, но могло бы даже с еще большей вероятностью спровоцировать превентивные силовые акции США с мотивом использования «окна возможности», чтобы раз и навсегда покончить с ядерной программой КНДР. Можно также предположить, что испытание откладывается до момента создания и производства хотя бы нескольких ядерных боезарядов, которые можно было бы заблаговременно смонтировать на развернутых баллистических ракетах средней дальности (БРСД) «Нодон-1», чтобы сразу после испытания объявить, что ряд объектов (включая американские базы) на территории Южной Кореи и Японии уже поставлены под прицел ракетно-ядерных средств КНДР.

Вероятно, в стране накоплено достаточное количество оружейного плутония⁸, но не преодолены все трудности и неопределенности с подбором оптимального изотопного состава материала и разработкой технически весьма сложной импловивной схемы подрыва, применяемой при использовании плутония. Следует также предположить, что у КНДР еще нет достаточного количества оружейного урана для сборки более простого взрывного устройства на урановой базе⁹.

Возможно, из престижных соображений и в интересах более эффективного сокрытия военной программы Пхеньян изначально избрал преимущественно «плутониевый путь» как открывающий возможность создания более эффективных, миниатюрных, удобных для ракетных носителей боеприпасов. Но, видимо, этот путь оказался вплоть до настоящего момента технологически крайне трудным, а когда это осознали, быстро наверстать время по урановому направлению не хватило экономических и технических ресурсов (стоимость и сложность центрифужной обогащительной технологии, огромные потребности в электроэнергии, необходимость обеспечить

скрытность крупных объектов и их защищенность хотя бы от неядерного превентивного удара противника и пр.).

С технической точки зрения окончательно разрешить спор экспертов могут лишь испытание ядерного оружия или неопровержимые свидетельства наличия ЯО из разнородных достоверных источников. Именно отсутствие испытания или подобных свидетельств является главным аргументом в пользу того, что у КНДР пока нет атомного оружия в полном смысле слова.

Аргументы о том, что Пхеньян не проводит испытания только из-за «боязни международных санкций и политической изоляции», не учитывают характера северокорейского режима и его политики. Будучи зачисленной Вашингтоном в список «стран-изгоев», КНДР и без того находится под международными санкциями. Внешняя политика Северной Кореи имеет добровольно-изоляционистский характер в силу полной закрытости существующего там политического режима¹⁰. Введение дополнительных санкций ООН не изменило бы ситуацию в принципе. Санкции со стороны Японии, в восприятии Пхеньяна, и так существуют в связи с проблемой «похищенных». Пекин не пойдет на санкции из-за опасений, что углубление экономического кризиса в КНДР увеличит поток беженцев в Китай.

Пример Индии и Пакистана показал Пхеньяну, что санкции за проведение ядерных испытаний ограничены как по времени применения, так и по экономическим и политическим последствиям. Отталкиваясь от ядерных испытаний Индии и Пакистана и последовавшей реакцией на них со стороны ООН как от международного прецедента, северокорейское руководство считает приемлемой ту цену, которую ему пришлось бы заплатить за неофициальное признание КНДР ядерной державой. Пхеньян пошел бы на это, имея он такую техническую возможность и окончательное политическое решение, — тем более после открытого выхода КНДР из ДНЯО 10 января 2003 г.

Если бы Северная Корея была близка к созданию ядерного оружия в полном смысле слова и имела твердое намерение довести программу до конца, то выход из ДНЯО было бы логично приурочить к демонстрации обладания ядерным оружием тем или иным способом. Помимо престижных плодов вне и внутри страны это предоставило бы КНДР определенный сдерживающий потенциал против силовых мер со стороны США. Даже не имея возможности нанести удар по американской территории, Пхеньян мог бы угрожать ядерным возмездием близлежащим военным базам и союзникам США — Южной Корее и Японии (такой потенциал «непрямого» сдерживания Советский Союз имел против Соединенных Штатов с момента создания им ЯО в 1949 г. до развертывания первых межконтинентальных носителей в конце 50-х годов).

Прошло уже более двух лет после выхода Северной Кореи из ДНЯО, но она убедительно не продемонстри-

ровала, что обладает ядерным оружием. Поэтому с достаточной степенью определенности можно полагать, что такого оружия у Пхеньяна пока нет и что выход из Договора преследовал иные цели, нежели легализацию скорейшего создания ЯО, что относится также и к информационным манипуляциям северокорейских официальных источников вокруг наличия ядерного оружия.

При анализе северокорейской ситуации важно к тому же учитывать, что руководство страной и ее вооруженными силами полностью сосредоточено в руках Ким Чен Ира, единолично принимающего все важнейшие решения. Нельзя исключать ситуацию, когда функционеры, ответственные за ядерную программу, боясь доложить «вождю» о технических неудачах и подтасовывают информацию, позволяя тому думать, что у страны есть реальные, а не «докладные» успехи в ядерной сфере. В этих условиях могут приниматься политические решения, под которыми потом не оказывается военнотехнической базы. (Кстати сказать, последнее случается даже в крупнейших демократических странах, причем наиболее передовых в военной области. Достаточно напомнить о, видимо, имеющей место вере президента США Дж. Буша в то, что наконец началось создание американского «противоракетного щита», тогда как на деле там развертывается технически совершенно неадекватная, не отработанная и не испытанная в штатном режиме система¹¹.)

Шестисторонние переговоры: интересы ст орон. Северокорейская ситуация является нетипичной, и к ней не применимы ни «южноафриканский», ни «иракский», ни «ливийский» варианты прекращения военной ядерной программы. При сохранении утвердившихся в рамках шестистороннего дипломатического процесса подходов сторон ядерный вопрос Северной Кореи не имеет договорно-правового разрешения, поскольку противоборствующие стороны действуют по несовместимой политической логике. Хуже того, расхождения между странами «пятерки» нередко больше, чем между ними и КНДР.

В частности, США (и наиболее близкая им по переговорной линии Япония) исходят из того, что у КНДР есть ядерное оружие, которое Пхеньян рассматривает в качестве фактора военного сдерживания. Вашингтон стремится вынудить Северную Корею отказаться от ЯО (если оно уже есть) и демонтировать всю имеющуюся там ядерную научно-промышленную инфраструктуру. Ради этой цели США готовы при неудаче переговоров применить силу, о чем постоянно напоминают параллельно с дипломатией, чтобы сделать Пхеньян более сговорчивым.

Со своей стороны, КНДР мыслит и действует совершенно в иной плоскости. Как бы ни относиться к северокорейскому режиму (представляющему собой, несомненно, самую одиозную, милитаризованную, бесчеловечную

и репрессивную диктатуру современности), какой бы опасной ни признавать его ядерную программу, — позиция Пхеньяна по ДНЯО и связанным с ним вопросам не лишена своей, пусть и весьма своеобразной логики.

Соглашение («Рамочная договоренность») 1994 г. между США и КНДР, как предполагалось, должно было остановить выход КНДР из ДНЯО (которым она угрозила под формальным предлогом разногласий вокруг охвата инспекций МАГАТЭ), а также заместить корейские реакторы-наработчики плутония более безопасными в этом плане легководными реакторами. В этом проекте были задействованы также Япония и Южная Корея.

До того момента в соответствии с членством в ДНЯО Северная Корея должна была поставить все свои ядерные материалы и мирную ядерную деятельность под гарантии МАГАТЭ, о чем и подписала с агентством соответствующее соглашение (о применении гарантий в связи с ДНЯО). Однако «Рамочная договоренность» 1994 г. закрепила тот факт, что до завершения строительства комплекса на легководных реакторах с помощью США гарантии МАГАТЭ будут действовать частично, а не в полном объеме: «До заключения контракта на поставку продолжатся инспекции, которые требуются МАГАТЭ для непрерывности действия гарантий, в отношении объектов, не подлежащих замораживанию». И лишь после завершения строительства комплекса на легководных реакторах «КНДР обеспечит полное выполнение ее соглашений с МАГАТЭ»¹².

Эти положения можно интерпретировать как поставившие двустороннее соглашение КНДР с США выше ее обязательств по ДНЯО, в соответствии с которыми в Северной Корее должны были бы применяться полноценные гарантии МАГАТЭ на всех объектах включая замороженные (INFCIRC/403).

Когда в 2002 г. обнаружилось, что КНДР имеет также программу обогащения урана, о которой не было заявлено в МАГАТЭ, США, Япония и Южная Корея отказались выполнить свои обязательства по строительству легководных реакторов и замещающим поставкам мазута для корейских тепловых электростанций. Тогда Пхеньян отверг свою часть договоренности: запретил дальнейшие инспекции МАГАТЭ, разморозил реакторы-наработчики плутония и другие объекты ядерного комплекса, с уведомлением за три месяца вышел из ДНЯО (согласно ст. X)¹³ и прозрачно намекнул на обретение им ядерного оружия. Непосредственным поводом для такого шага стали причисление КНДР к «оси зла» наряду с Ираком и Ираном в официальных заявлениях Вашингтона и угроза силой в отношении названных стран, подготовка к ее прямому применению против Ирака в начале 2003 г. Выход США из Договора по противоракетной обороне (ПРО) менее чем годом раньше, а до этого отказ от ратификации Договора по всеобъем-

люющему запрещению ядерных испытаний (ДВЗЯИ) создали удобный прецедент, позволивший исключить единый фронт негодования, давления и санкций международного сообщества и ООН на Пхеньян в связи с его денонсацией ДНЯО.

Как полагают авторы доклада, в настоящее время КНДР преимущественно использует свою ядерную программу и выход из ДНЯО как инструмент политического блефа и шантажа. В то же время исключительно важно, что это не исключает в конечном счете действительного создания там ЯО, если нынешний корейский блеф не даст плодов в виде размена ядерной программы на уступки США и других стран.

Однако пока главная цель Пхеньяна — вовлечь США в диалог и получить от него максимальные политические и экономические дивиденды. При этом Пхеньян считает, что именно военная ядерная программа является тем «товаром», за который Вашингтон готов заплатить максимальную цену. Что касается реальных инструментов военного сдерживания, то здесь КНДР полагается, во-первых, на обычные вооружения (прежде всего ствольную артиллерию, массированно развернутую вблизи линии разделения) и ракеты средней дальности, способные в обычном снаряжении нанести ущерб Южной Корее и американским вооруженным силам на ее территории. Во-вторых, ставка делается на диверсионные группы, нацеленные на ядерные, химические и другие опасные объекты в Южной Корее.

По-видимому, Пхеньян вполне удовлетворен нынешним ходом дел. Он не достиг главной цели — полномасштабных гарантий безопасности со стороны США и большой экономической помощи. Однако достигается ряд тактических целей. Переговорный процесс в значительной мере гарантирует безопасность Северной Кореи. Кроме того, за сам факт участия в переговорах КНДР получает экономическую помощь от Китая и международных организаций, пусть и дозированной. А Южная Корея вкладывает сотни миллионов долларов в сотрудничество с КНДР и в условиях неразрешенности ядерного вопроса, боясь, что он перерастет в ядерный кризис.

Отсюда следует вывод: Пхеньян не склонен искать компромисса, поскольку сам по себе переговорный процесс уже позволяет ему реализовывать свои интересы, но будет стараться использовать любое встречное движение к нему со стороны США для наращивания в ответ давления в целях решения главной задачи — обеспечения политической и экономической выживаемости режима. Видимо, именно эта тактика объясняет заявление КНДР в феврале 2005 г. об успешном создании там ядерного оружия и выходе из шестисторонних переговоров. Не проведя испытания и не предоставив других доказательств обладания ЯО, Пхеньян повысил ставки своей игры, чтобы привлечь к себе начавшее ослабевать под

действием переговоров международное внимание и повысить «продажную цену» своей программы.

Помимо технических деталей (как признание со стороны КНДР урановой программы) ввиду совершенно разных, практически противоположных целей США и КНДР никакая договоренность невозможна без преодоления главного противоречия. С одной стороны, политика «выкупа» ядерной программы у КНДР по модели соглашения 1994 г. может дать лишь временный результат, поскольку в очередной раз ¹⁴ предоставит Пхеньяну повод считать дипломатию блефа и шантажа эффективной, обеспечит ему хотя бы на какое-то время политические и экономические плоды — но не даст гарантий от повторения кризиса в будущем в виде возобновления военной северокорейской ядерной программы. Вероятно, в таком соглашении как раз и видит цель переговоров правящий режим.

С другой стороны, Пхеньян едва ли устроит, если политическое решение будет включать не «замораживание», как в 1994 г., а ликвидацию всех объектов ядерной инфраструктуры (за исключением, возможно, легководного энергетического комплекса с ввозимым ядерным топливом и вывозимым ОЯТ) плюс возврат КНДР в ДНЯО, ратификацию и выполнение Дополнительного протокола МАГАТЭ от 1997 г. (о всеобъемлющих проверках отсутствия незаявленной ядерной деятельности). Тогда уступки Северной Корее будут практически необратимы, а экономическая помощь и обязательства в сфере безопасности извне могут быть отменены, скажем, при смене администрации в США и по другим мотивам: нарушение прав человека, отсутствие демократии, помощь терроризму и пр.

Что касается Южной Кореи, КНР и России, то они рассматривают переговоры в первую очередь как способ предотвратить силовую акцию США против КНДР, которая чревата непредсказуемыми последствиями военного, социального, экологического и политического порядка и может втянуть в кризис три ангажированные ядерные державы. Иными словами, их первоочередная цель не только и не столько снять ядерную проблему Северной Кореи, как бы серьезно они к ней ни относились, сколько сдержать США от применения «иракской модели».

Непосредственно перед иракской кампанией и сразу после блестящего завершения военной фазы операции в Ираке такая угроза выглядела как очень вероятная. По мере увязания США в партизанско-террористической войне в Ираке их новая силовая акция против КНДР, как и против Ирана стала представляться менее реальной. Но после победы президента Буша на выборах в ноябре 2004 г. и эскалации его силовой риторики, в частности в адрес Ирана, война на Корейском полуострове опять начала казаться более вероятной как следующий шаг после возможного удара по Ирану — в качестве попытки силовым путем решить все вопросы

ядерного распространения до истечения второго срока президентства Буша и на фоне безысходности иракской операции ¹⁵.

Авторы настоящего доклада считают, что в долгосрочном плане выход из кризиса надо искать в другом измерении — в постепенной трансформации режима и создании нового политического климата на Корейском полуострове, который обеспечил бы стратегию вовлечения Северной Кореи в экономику и политику региона. Иными словами, схема видится не в том, чтобы сначала добиться полного и окончательного ядерного разоружения Северной Кореи, а затем решить политические проблемы, оставшиеся со времен Корейской войны. Моделью должно быть параллельное движение по двум направлениям: во-первых, продолжать давление на КНДР по ядерному вопросу, в том числе имея в виду возвращение страны в ДНЯО и под гарантии МАГАТЭ, присоединение к Дополнительному протоколу МАГАТЭ от 1997 г., замораживание и последующий демонтаж ядерной инфраструктуры двойного назначения, ликвидацию оружейных материалов и взрывных устройств или их компонентов (если они есть). В обмен на это могут быть возобновлены строительство легководных реакторов и замещающие поставки топлива до их ввода в строй.

Во-вторых, речь идет о мерах оздоровления политической обстановки на Корейском полуострове и о политике трансформации северокорейского режима в направлении большей открытости страны, развития связей с Южной Кореей и другими странами, проведения рыночных экономических реформ, постепенного смягчения тоталитарного режима ¹⁶. На этом пути ядерный вопрос будет решен стратегически и окончательно, дополнив тактические меры его технического решения.

Концепция урегулирования к орейской ядерной проблемы. По мнению участников настоящего исследования, новая концепция такого рода должна состоять в следующем.

1. Странам «пятерки» важно совместно признать, что дело не в северокорейской ядерной программе как таковой, а в характере закрытого, тоталитарного северокорейского режима, которому жизненно необходима внешняя угроза или миф о ней для сохранения военно-политического контроля над страной. Следовательно, базовой угрозой безопасности на Корейском полуострове является не ядерное оружие, а сам северокорейский режим. Ядерное оружие — лишь инструмент реализации его политической игры.

2. «Пятерке» важно добиться общего понимания того, что Пхеньян блефует на ядерном факторе, шантажируя США и другие страны. Цель блефа — получить от США гарантии безопасности и экономическую помощь в обмен не на трансформацию режима в направлении от-

крытости и демократизации, а на ядерную программу (обязательства по которой КНДР стремится сохранить обратимыми).

3. «Пятерка» должна также достичь согласия, что другим фактором нестабильности в Корее является устаревший режим поддержания мира в Корее, в основе которого лежит Соглашение о перемирии 1953 г., подписанное американской, китайской и северокорейской сторонами. Режим не обеспечивает нормальной современной инфраструктуры политического общения между Пхеньяном, с одной стороны, и Сеулом и Вашингтоном — с другой.

4. Следует исходить из того, что в настоящее время у КНДР отсутствует ядерное оружие в полном смысле слова, хотя продолжается военная ядерная программа. Пока Рубикон не перейден, военная программа может быть прекращена, КНДР можно заставить вернуться в ДНЯО, и позиция держав «пятерки» на переговорах должна быть «позицией силы», если только ими будет достигнуто единство. Вместе с тем, поскольку создание Северной Кореей ядерного оружия в обозримое время исключить невозможно (а последствия этого будут долгосрочными и крайне негативными), нельзя уповать только на давление и бесконечно мириться с затягиванием переговоров. Наряду с «кнотом» необходимы достаточные «пряники» и разумные сроки решения проблемы. Кроме того, помимо непосредственного создания ЯО большую угрозу представляет возможность продажи со стороны КНДР за рубеж радиоактивных и оружейных ядерных материалов и технологий, а также ракет и ракетных технологий¹⁷.

При этом надо учитывать, что Северная Корея хочет диаметрально противоположного: не изменять режим, а подороже и на своих условиях «продать» военную ядерную программу, причем по возможности обратимым образом (например, тайно продолжая ее в обход инспекций и гарантий МАГАТЭ, сохранив технологии обогащения урана и сепарации плутония и пр.). С другой стороны, нельзя не постараться использовать недавние признаки того, что Пхеньян готов пересмотреть нынешний международно-правовой режим поддержания мира в Корее, основанный на Соглашении о перемирии 1953 г., видя в этом возможность «выживания без внутренних перемен». Замена Соглашения о перемирии иным режимом поддержания мира выгодна и Китаю, так как снимает с Пекина обязательства и ответственность как союзника КНДР по Корейской войне 1950—1953 гг.

В настоящее время курс пяти участников шестисторонних переговоров в Пекине — США, Китая, Южной Кореи, Японии и России — строится на ряде тактических ошибок. В частности, они фокусируются на том, на каких условиях «выкупить» ядерную программу у КНДР. То есть по сути участвуют в игре, навязанной Се-

верной Кореей и ведущейся по ее правилам («не хочу участвовать в очередной шестисторонней встрече — не участвую, а без меня эта встреча никому не нужна»). Тем самым они дают понять Северной Корее, что хотят переговоров больше, чем она сама, а это является стартовым переговорным преимуществом Пхеньяна. Далее, они рассчитывают на компромисс как основу для урегулирования ситуации, тогда как Пхеньян рассматривает компромисс как уступку и слабость оппонентов и в ответ не делает встречный шаг, а взвинчивает требования. Это проявилось после третьей (июнь 2004 г.) шестисторонней встречи в Пекине, когда в ответ на некоторое смягчение американской позиции Пхеньян лишь ужесточил свой подход и отказался от новой встречи. В еще большей мере данная тактика обусловила заявление КНДР в феврале 2005 г. об успешном создании ядерного оружия и выходе из шестисторонних переговоров.

Другая крупнейшая слабость «пятерки» состоит в том, что ее члены не имеют скоординированного подхода к Северной Корее и выступают на переговорах с разных позиций. В отличие от времен «холодной войны» сегодня уже никто не стоит за спиной Пхеньяна, однако позиционирование сторон неоднородно. Как уже отмечалось, Япония по жесткости требований ближе других стран к США. Китай играет вторую после США роль по значимости в организации переговорного процесса, однако его подход к КНДР характеризуется меньшей жесткостью, чем у США и Японии. Южная Корея и Россия занимают наиболее мягкие позиции по отношению к Северной Корее. Такая ситуация позволяет Пхеньяну использовать расхождения сторон для осуществления собственного переговорного сценария.

Наконец, еще один большой промах держав «пятерки» заключается в том, что они упускают время для создания на основе шестистороннего диалога постоянно действующего механизма безопасности в СВА, который обеспечивал бы более широкий подход к проблемам безопасности и сотрудничества в СВА и позволял бы решать существующие в этой сфере проблемы, в том числе и северокорейскую. Участие в таком переговорном механизме стало бы делом кардинальной заинтересованности КНДР, чтобы проблемы не решались без нее и вопреки ее интересам. Тем самым была бы исключена тактика саботажа переговоров Пхеньяном, применяемая им для «продавливания» своей линии.

Новая политика шестисторонних переговоров. Авторы настоящего доклада полагают, что необходимо переориентировать стратегию корейского урегулирования наряду с решением ядерного вопроса на две главные цели: создание нового международно-правового режима поддержания мира в Корее вместо нынешнего, основанного на Соглашении о перемирии 1953 г., и трансформацию северокорейского режима мирными средствами посредством политики «вовлечения».

Для этого, во-первых, необходимо изменить повестку дня шестисторонних переговоров: во-первых, включить в нее вопрос о замене Соглашения о перемирии дипломатическими отношениями между КНДР и США, Северной и Южной Кореей. Следует вести разговор на эту тему независимо от того, как идет диалог по ядерной тематике. Возможные возражения Пхеньяна и Сеула о том, что дипломатические отношения между ними невозможны, так как они являются двумя частями разделенной нации и стремятся к объединению, парируются тем, что с международно-правовой точки зрения КНДР и Республика Корея как независимые члены ООН являются двумя суверенными государствами, нормой отношений между которыми является взаимное дипломатическое признание. Кроме того, дипломатические отношения не отменяют объединения, а могут рассматриваться как более безопасный, чем нынешнее противостояние, этап на пути к объединению. Примером могут служить отношения бывшей ГДР и ФРГ.

Кроме того, на шестисторонних переговорах резонно отделить переговоры по обмену гарантий безопасности Северной Корее на ее отказ от ядерной военной программы от переговоров по предоставлению КНДР экономической помощи. Такая помощь должна предоставляться только в обмен на шаги КНДР в направлении рыночных реформ и большей открытости, а не на ядерную программу. Причем содержание экономических реформ в КНДР должно согласовываться с «пятеркой». Исключением являются лишь пункты о строительстве легководного реактора и замещающих поставках мазута для тепловых электростанций, непосредственно связанные с замораживанием реакторов-наработчиков плутония и предприятий полного топливного цикла, которые побочно снабжают Северную Корею электроэнергией.

Во-вторых, встречи «пятерки» должны носить регулярный характер (например, раз в квартал) независимо от того, участвует в них Северная Корея или нет. Пхеньян всегда должен получать приглашения на встречи, но проводиться они должны независимо от его участия. В отсутствие Пхеньяна темы координации политики «пятерки» по отношению к КНДР, синхронизированного видения будущего Северной Кореи могут стать первыми темами работы нового многостороннего механизма безопасности в СВА. В дальнейшем повестка дня может быть расширена за счет других вопросов региональной безопасности.

В-третьих, по военной ядерной программе Северной Кореи представляется резонным занять следующую позицию: заявить Пхеньяну, что нет оснований менять экономическую помощь и гарантии безопасности на ядерную программу. Экономическая помощь обменивается на рыночные реформы и большую открытость

КНДР, а гарантии безопасности являются органичной составляющей нового режима поддержания мира в Корее взамен Соглашения о перемирии 1953 г.

Ядерный вопрос следует решать отдельно. КНДР должна вернуться в режим нераспространения ядерного оружия и доказать инспекторам МАГАТЭ, что военная программа свернута. При этом возвращение в режим нераспространения и полное свертыwanie военной ядерной программы, ликвидация оружейных ядерных материалов и демонтаж технологий двойного назначения (реакторов-наработчиков плутония, производства тяжелой воды, предприятий по обогащению урана и сепарации плутония из ОЯТ, всех объектов производства ядерного оружия и его компонентов) являются обязательными для возобновления проекта КЕДО (Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове с участием России и КНР) и более широкого сотрудничества с КНДР в области мирного атома. Принятие Северной Кореей всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ и Дополнительного протокола от 1997 г. также должны быть неотъемлемыми элементами «ядерного пакета».

При этом каждая из стран «пятерки» сохраняет право на свою повестку переговоров с Северной Кореей и предоставление ей помощи, однако в рамках, не нарушающих согласованные изложенные выше принципы.

Дополнительным разделом соглашения, возможно, для второго этапа переговоров, является свертыwanie северокаорейской ракетной программы и экспорта баллистических ракет и ракетных технологий, вступление КНДР в Режим контроля над ракетной технологией (РКРТ). За это США, Россия, Япония, КНР и другие космические державы должны обеспечить КНДР максимально льготные условия вывода в космос ее полезных грузов своими носителями и участие в коммерческих и научных космических программах.

Также требуется надежное блокирование распространения опасных материалов и технологий из Северной Кореи, желательно через соглашения с нею, но в крайнем случае и посредством мер Инициативы по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР).

В качестве одного из направлений и этапов урегулирования можно согласовать меры сокращения вооруженных сил и вооружений в зоне вдоль линии разъединения на Корейском полуострове. Договоренности о мерах доверия (морская «горячая линия» на общей радиочастоте, снятие враждебных лозунгов и прекращение радиовещания в демилитаризованной зоне) имеют символический характер и должны быть всемерно развиты. В этом плане можно использовать опыт Договора об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ) и договора о сокращении войск и вооружений в зоне границы КНР и республик бывшего СССР.

Поскольку оба корейских государства заявляют об опасениях по поводу возможности внезапного нападения, но отвергают наличие таких планов со своей стороны, следует вывести всю тяжелую боевую технику (по категориям ДОВСЕ или договора по приграничной зоне с КНР) из 50-километровой полосы на север и на юг от линии разделения. В дальнейшем можно было бы договориться о сокращении войск и вооружений до равных потолков (например, до 400 тыс. военнослужащих, 500 танков, 1000 боевых бронированных машин, 2000 единиц артиллерийских средств, 300 боевых самолетов).

Частью этой договоренности мог бы стать полный вывод с полуострова войск США (во всяком случае, сухопутных). Гарантами таких договоренностей и спонсорами системы контроля и инспекций, естественно, стали бы четыре остальных члена шестерки. Кстати, стороны договора по приграничной зоне с КНР плюс Узбекистан впоследствии образовали Шанхайскую организацию сотрудничества, что тоже могло бы послужить моделью для шести участников переговоров по корейской ядерной проблеме.

- ¹ Рожков О. Ядерная программа КНДР: Тезисы лекции от 18 марта 2003 г. / Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ // <http://www.armscontrol.ru/course/lectures03a/ovr30318.html> (посещался 1 марта 2005 г.).
- 2 Ядерное оружие КНДР: угроза или шантаж // Независимое воен. обозрение. — 2005. — 25 февр.
- 3 Северная Корея объявила себя ядерной державой / Информ. агентство Lenta.ru // <http://lenta.ru/world/2005/02/10/notalks> (посещался 1 марта 2005 г.).
- 4 Материалы Службы внешней разведки России // <http://svr.gov.ru/material/2-13-10.html> (посещался 1 марта 2005 г.).
- 5 Известия. — 1994. — 24 июня.
- 6 Аргументы и факты. — 1992. — 20 марта.
- 7 Ядерное оружие КНДР: угроза или шантаж.
- 8 Рожков О. Указ. соч.
- 9 Ядерное оружие КНДР: угроза или шантаж.
- 10 Ядерный узел Ирана // <http://www.ej.ru/experts/entry/425/> (посещался 15 марта 2005 г.).
- 11 Дворкин В О сотрудничестве России, США и Европы в создании ПРО // Ядерный контроль / ПИР-Центр. — 2004. — № 4 (74). — С. 29—44.
- 12 Ядерное распространение / Рос.-америк. информ. пресс-центр. — 1994. — Вып. 5. — Дек. — С. 39—41.
- 13 Ядерное оружие КНДР: угроза или шантаж.
- 14 Рожков О. Указ. соч.
- 15 Российский исследователь осудил угрозы США в адрес Ирана / Информ. агентство IRNA // http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=27116 (посещался 1 марта 2005 г.).
- 16 Ядерный узел Ирана.
- 17 Калядин А. В поисках эффективной стратегии принуждения в сфере нераспространения ОМУ // Мировая экономика и международн. отношения. — 2005. — № 1. — С. 16—24.

Глава 2.

Политика Китая в Северо-Восточной Азии в контексте проблем ядерной безопасности

В первой публикации проекта «Ядерное нераспространение в эпоху глобализации», озаглавленной «Ядерное сдерживание и нераспространение»¹, достаточно детально рассматривались китайские ядерная доктрина, ядерные силы и программа их развития, курс в сфере ядерного нераспространения и экспортного контроля — все это в контексте глобальной политики пятерки великих ядерных держав. Поэтому в настоящем докладе, посвященном региональной проблематике, роль КНР и ее политики затронута в основном лишь в той мере, в какой это влияет на проблемы Северо-Восточной Азии.

В СВА Китай является единственным ядерным государством (за исключением глобальной ядерной державы — России). Факт обладания Северной Кореей ядерным оружием остается недоказанным. Хотя Япония и Южная Корея имеют необходимые технические возможности, они не развивают ядерные программы военного назначения по политическим соображениям и в силу своих конституционных и международных обязательств. Вместе с тем развитие ситуации в СВА и ее восприятие Пекином существенно влияют на ядерную стратегию КНР, а китайская политика является крупнейшим движущим фактором стратегического положения региона. Ниже анализируются основные компоненты политики Китая по отношению к Японии, двум корейским государствам и Тайваню в контексте взаимосвязи этих моментов с ядерной политикой Китая.

Китай — Япония. Суть нынешнего этапа развития китайско-японских отношений состоит в совпадении во времени двух процессов: экономического и политического возвышения Китая и политического возвышения Японии на базе уже накопленного экономического потенциала.

За последние три-четыре года Китай прочно стал важным экономическим игроком на мировых и региональных рынках. И теперь Китай стремится, отталкиваясь от своих успехов, во-первых, укреплять и далее собственные глобальные торговые и финансовые позиции и, во-вторых, играть определяющую роль в мировой политике и создании новой всемирной архитектуры безопасности наравне с признанными лидерами. Для достижения поставленных целей КНР предпринимает следующие шаги:

- делает в своей внешней политике акцент на углубление партнерских отношений с США;
- выстраивает финансово-экономический и политический диалог с «Большой семеркой/восемьюшкой»;

- начинает выстраивать отношения с НАТО;
- выдвигает региональные инициативы в области безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии (зона свободной торговли с участием Китая, Японии и Южной Кореи, многосторонняя структура безопасности с участием тех же стран плюс США и Россия), Юго-Восточной Азии (зона свободной торговли в форматах «Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) плюс Китай» и «АСЕАН плюс три», т. е. Китай, Япония, Южная Корея), в Центральной Азии (Шанхайская организация сотрудничества);

- в начале 2005 г. Китай предпринял дипломатическое наступление с целью укрепления своих международных позиций по всему фронту — от США, Европейского союза и России до Южной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки.

Япония параллельно активизирует усилия по приведению своих глобальных политических позиций в соответствие с «ушедшей в отрыв» японской экономической мощью. В этих целях она:

- «продавливает» вопрос о расширении состава постоянных членов Совета Безопасности ООН и включения в их число Японии;
- расширяет границы использования Сил самообороны (миротворческие операции за пределами Японии), поднимает вопрос о придании им статуса вооруженных сил и вынашивает внесение соответствующих изменений в Конституцию;
- корректирует военную доктрину, указывая как на возможную угрозу на Северную Корею и ускорение «военного строительства» в Китае и мотивируя тем самым необходимость увеличения собственных военных расходов;
- активизирует сотрудничество с США по созданию системы противоракетной обороны;
- развивает региональное сотрудничество в СВА (в рамках шестисторонней встречи по Северной Корее) и ЮВА (по схемам «АСЕАН плюс Япония» и «АСЕАН плюс три»), обозначает интерес к центральноазиатским постсоветским республикам.

Параллелизм в процессах укрепления глобальных позиций Японии и Китая обостряет существующие между ними отношения конкуренции в мировой экономике и политике. Вместе с тем углубляющаяся экономическая взаимозависимость (в 2004 г. Китай стал главным торговым партнером Японии, обойдя США, а Япония является вторым после США экономическим

партнером Китая) обуславливает пределы ухудшения двусторонних отношений и уменьшает вероятность военного конфликта.

И все же нарастание глобальной политической конкуренции Пекина и Токио обостряет старые проблемы в их отношениях. Имеет место приглушенный на время территориальный спор (в последний год обе стороны резко реагировали на незаконные, как они считали, действия оппонента на оспариваемых островных территориях). Не забыты горькие эпизоды истории, обострились споры о том, как трактовать оккупацию Китая Японией в 1930-е годы. Раздражающим моментом являются визиты тайваньских политиков в Токио, с особой резкостью осуждаемые Пекином. Обостряется конкуренция в доступе к новым мировым источникам энергоресурсов — в России, в Африке (Судан), на Ближнем Востоке (Иран), в Латинской Америке (Венесуэла), а также в формировании восточноазиатского рынка углеводородов. Продолжается конкуренция в борьбе за симпатии стран АСЕАН: Китай идет по пути установления либеральных торговых отношений сразу со всей ассоциацией, Япония избрала тактику заключения двусторонних соглашений о зоне свободной торговли (Сингапур, Таиланд).

В ходе преодоления последствий цунами в Южной и Юго-Восточной Азии Пекин и Токио буквально развернули соревнование за то, кто предоставит больше помощи пострадавшим и станет координатором международных усилий по созданию системы раннего оповещения о природных катаклизмах.

Обострение конкуренции негативно повлияло на контакты между лидерами двух стран: японский премьер уже более трех лет не посещал Китай, совершив за это же время в числе прочего два безответных визита в Пхеньян.

Реакцию Китая на новое состояние отношений соперничества-сотрудничества с Японией можно охарактеризовать следующим образом. В экономике Китай стремится углублять торговое, финансовое и производственно-кооперационное двустороннее взаимодействие с японским бизнесом. Вариант смягчения китайско-японских противоречий на мировых и региональных рынках (посредством одновременного участия Китая и Японии в многосторонних интеграционных форматах) пока только начинает обсуждаться на экспертном уровне.

В политической сфере Китай, с одной стороны, пытается использовать свои «конкурентные преимущества» для сдерживания политического возвышения Японии более быстрыми темпами, чем происходит возвышение самого Китая (как постоянного члена Совета Безопасности ООН, принимающей стороны шестисторонней встречи по Северной Корее). В этом контексте Китай выступает если не открыто против, то негативно-выжидательно по отношению к идее вхождения Японии в Со-

вет Безопасности ООН в качестве постоянного члена. КНР пытается не упустить своих преимуществ перед Японией в урегулировании северокорейской ядерной проблемы и отношениях с центральноазиатскими странами. С другой стороны, Пекин стремится сократить отставание от Японии на площадках АСЕАН, Южной Азии, Африки и Латинской Америки прежде всего за счет такого нового международного явления, как инвестиционная интервенция. Пекин уже предоставил почти миллиардный торговый кредит центральноазиатским странам — членам ШОС, намерен до 2020 г. вложить порядка 100 млрд долл. в экономику Латинской Америки, предложил 12-миллиардные инвестиции в Россию, половину из которых реализовал посредством кредита российской государственной компании «Роснефть» уже в 2004 г.

В военно-политической области Китай открыто выступает против участия Японии в развертывании региональных систем противоракетной обороны, видя в этом угрозу своей политике «военного сдерживания» независимости Тайваня через открытую угрозу ракетного удара. Также Пекин в весьма наступательной форме выражает озабоченность по поводу военных новаций Токио.

В поисках ответа на военный вызов Японии Пекин пытается сократить отставание от Токио по оборонным расходам и нарастить свои «преимущества» как ядерной державы, реализуя программу развития и совершенствования национальных стратегических ядерных сил.

Китай — Северная и Южная Корея. КНР исходит из того, что у Северной Кореи есть ядерная военная программа, но нет ядерного оружия, и признает угрозу распространения ядерных материалов с территории Северной Кореи. В то же время Китай в качестве главной угрозы, исходящей от Пхеньяна, видит не проблему ядерного распространения, а коллапс северокорейского режима с последующим огромным и неконтролируемым наплывом беженцев и, вследствие этого, с тяжелыми последствиями для социальной стабильности в северо-восточных районах КНР. Острота проблемы обуславливается и тем, что новое поколение китайских лидеров выдвинуло собственную региональную стратегию «развития и модернизации Северо-Востока Китая» — если не в противовес, то параллельно программе развития Северо-Запада, предложенной предыдущим поколением вождей.

При этом Пекин видит предпосылки полномасштабного коллапса в Северной Корее, во-первых, в неспособности северокорейского руководства эффективно руководить экономикой и проводить рыночные реформы и политику открытости. Во-вторых, КНР опасается политического кризиса в Северной Корее вследствие обострения борьбы за власть между различными кланами после смерти Ким Чен Ира.

Политика Китая по отношению к Северной Корее в первую очередь обусловлена стремлением оттянуть коллапс северокорейского режима. В экономике Китай за последние два года увеличил объем помощи КНДР (около 500 млн долл. в виде прямой помощи и торговых кредитов в 2003—2004 гг.). В политике КНР инициировала и стала принимающей стороной шестисторонней встречи по северокорейской ядерной программе, стараясь любыми средствами избежать военного варианта развития событий — прежде всего военной акции США. Китай стремится играть активную посредническую роль в диалоге (в рамках шестистороннего процесса) между Пхеньяном и Вашингтоном, однако пока не готов взять на себя роль лидера, считая, что главное слово должны сказать именно КНДР и США.

В области гуманитарных контактов Китай проводит линию на налаживание диалога с северокорейской политической и интеллектуальной элитой, демонстрируя на своем примере эффективность рыночных реформ и открытости.

Проблема для Китая состоит в том, что в случае военного сценария развития ситуации в Корее он окажется в трудном положении — с учетом обязательств перед Северной Кореей как страны, подписавшей Соглашение о перемирии 1953 г. и имеющей союзнические обязательства перед КНДР. И хотя Пекин дал понять Пхеньяну, что не окажет ему военной помощи, если военный конфликт в Корее будет спровоцирован северокорейской стороной, развитие событий по военному сценарию представляется для китайской стороны совершенно неприемлемым.

Пока ситуация в Корее не является фактором, прямо подталкивающим Пекин к наращиванию ядерного потенциала. Увеличение военного контингента в северо-восточной части Китая считается достаточным и для того, чтобы оказать сдерживающее воздействие на американских «ястребов», выступающих за военное решение северокорейской ядерной проблемы. Военное присутствие также призвано предотвратить демографическую катастрофу, случись в Северной Корее резкое обострение внутренней ситуации.

Северокорейский ядерный кризис может оказать косвенное воздействие на китайскую ядерную программу в том случае, если ситуация в Корее будет развиваться в направлении военного варианта решения конфликта. При таком сценарии наращивание собственного ядерного потенциала будет рассматриваться Китаем как фактор сдерживания, позволяющий все же оттянуть или предотвратить войну в Корее.

Отношения Китая с Южной Кореей характеризуются устойчивой стабильностью и не являются фактором, прямо или косвенно способным повлиять на ядерную стратегию Пекина. Китай весьма спокойно отреагировал на обнародованные Сеулом сведения о нелегитимных

работах с ядерными материалами, считая Южную Корею ответственным участником международного режима нераспространения ядерного оружия.

Китай и Южная Корея рассматривают друг друга как стратегических экономических партнеров и как важных политических партнеров в решении северокорейского ядерного кризиса и в создании — на основе шестистороннего процесса — многосторонней системы безопасности и сотрудничества в СВА.

Существующие между странами разногласия — нерегулированность территориальных споров, вопросы истории (вокруг принадлежности древнего государства Когуре), проблемы северокорейских беженцев (часть из них Китай возвращает назад в Северную Корею, к неудовольствию Сеула, другую часть через третьи страны пересылает в Южную Корею), время от времени вспыхивающие торговые войны — носят ограниченный характер и не оказывают влияния на оборонную политику обеих стран.

Китай — Тайвань. Тайваньский фактор имеет решающее значение для политической стабильности в Китае и СВА в целом. Китайское руководство ни при каких условиях не согласится с независимостью Тайваня и будет противодействовать провозглашению им независимости всеми средствами, в том числе используя военные угрозы или даже применение силы.

Острота тайваньского вопроса в том, что проблема Тайваня является наиболее опасным и реальным детонатором, способным вызвать глубокий внутренний кризис в самом Китае. Схема кризиса очевидна: провозглашение Тайванем независимости — война — международные санкции против Китая — кризис экспортного производства, отток иностранного капитала — инфляция, товарно-сырьевые дефициты — сокращение ВВП — социальный взрыв — кризис внутри Коммунистической партии Китая (КПК) и т. д. Проблема Тайваня превращается, таким образом, в проблему внутривнутриполитической и экономической стратегии КПК и даже в проблему выживания КПК как правящей партии.

Уже сейчас, до применения силы, тайваньский фактор подталкивает наращивание Китаем вооружений. Китайское военное руководство, понимая, что КНР не обладает высокоточным оружием для ведения «дистанционной войны» против Тайваня и на примере Ирака видя, что война после победоносных точечных ударов только начинается, делает ставку на укрепление традиционных вооружений. Возрождаются лозунги «народной войны» применительно к Тайваню. При этом в военно-техническом плане Китай в принципе может создать группировку, способную разгромить тайваньские вооруженные силы. Однако форсирование Тайваньского пролива ставит задачу организации операции, сравнимой с вторжением союзников в Нормандию в 1944 г., притом что КНР не имеет превосходства на море и в

воздухе и вероятность прямого вооруженного столкновения с ВМС и ВВС США была бы весьма высока. Помимо всего прочего такая стратегия идет прямо вразрез с другими, глобальными планами превращения Китая в мировую сверхдержаву, в том числе на основе создания современных видов вооружений.

Во внутривластном плане «тайваньский детонатор» способен обострить отношения между партией и армией. Одна часть высшего китайского руководства, опирающаяся на традиционные армейские элиты, может использовать тайваньский вопрос для давления на своих оппонентов из числа новых китайских руководителей. Поскольку идея воссоединения Тайваня является «священной коровой» для всех китайских лидеров, новому руководству при определенном дестабилизирующем варианте развития внутривластной ситуации придется чем-то отвечать или поступаться в ответ на критику за медлительность в «объединении родины».

Нагнетание ситуации вокруг Тайваня используется старой китайской политической элитой и в целях сохранения своих традиционных связей с генералитетом, который в последнее время обнаруживает — по мере естественного уменьшения политического веса Цзянь Цзэминя — стремление поддержать новых китайских лидеров.

Обратная взаимосвязь потенциальных кризисов в Китае и провозглашения тайваньской независимости состоит в том, что обострение социальной ситуации в КНР или ухудшение ситуации экономической будет способствовать распространению настроений в пользу независимости на Тайване. В качестве следующего действия это вызовет дальнейшее ужесточение позиции Пекина и его давление на Тайвань. Возможно, имеет место и сознательное нагнетание ситуации вокруг Тайваня, чтобы по классической схеме отвлечь население от внутренних проблем.

Логика поведения Китая по тайваньской проблеме принимает следующий вид. Нынешнее китайское руководство не может допустить независимости Тайваня — в противном случае оно потеряет политическую легитимность, подвергнется резким нападкам противников из консервативного крыла и рискует потерять власть. Хотя Китай в военно-техническом плане способен одержать победу в войне с Тайванем, он понимает тяжелейшие последствия военных действий, которые через утрату достижений последних десятилетий реформ и открытости опять же ведут к потере нынешними лидерами политической власти.

Объективно выходом для китайского руководства является максимально возможное продление статус-кво и поддержка тех политических сил на Тайване (прежде всего Гоминдана), которые выступают за сохранение существующего положения и обещают не поднимать вопрос о независимости в течение ближайших 50 лет. Однако для эффективного проведения политики сохранения статус-

кво Пекину необходимы весомые факторы сдерживания, главным из которых — раз речь идет о возможности военных акций — выступает ядерное оружие.

Перспектива включения Тайваня в американскую систему противоракетной обороны и развивающееся военное сотрудничество США и Тайваня являются дополнительным аргументом в глазах Пекина в пользу наращивания потенциала сдерживания, в том числе за счет усиления его ракетно-ядерного компонента.

Китай, провозглашая задачу стать единым государством к середине XXI в., считает себя «великой державой» и сформулировал принцип «параллелизма», имея в виду американские действия «по защите своих национальных интересов» в Югославии, Афганистане и Ираке и российские действия в Чечне. Исходя из этого, он может в принципе применить военную силу против Тайваня. При этом чем значительнее будет международный вес Китая и чем больше будет его потенциал ядерного сдерживания, тем весомее будут выглядеть, по мнению китайских «ястребов», ссылки на «параллелизм» по аналогии с силовыми действиями других ядерных держав.

Именно это обстоятельство создает крупнейшую дилемму и интригу для мирового сообщества: как реагировать, если Китай применит военную силу против Тайваня?

Ответ, вероятно, в том, что необходимо исключить развитие ситуации по военному варианту. Следует учитывать то обстоятельство, что Китай в своих схемах объединения с Тайванем уже пошел на максимальные уступки, обещая сохранить не только нынешнюю экономическую и политическую систему Тайваня, но даже его вооруженные силы. Мировому сообществу важно недвусмысленно и гласно отстаивать тезис о неприемлемости военного сценария объединения, чтобы не поддерживать среди части китайского руководства иллюзий относительно того, что военный вариант может как-то сойти ему с рук. Это относится и к сценарию ограниченного ракетного (неядерного) удара со стороны Китая, который Пекин гипотетически мог бы оправдывать американскими действиями в Ираке, Афганистане или российскими в Чечне. Но, с другой стороны, ни в коем случае нельзя внушать Тайваню иллюзий, что провозглашение им независимости будет с пониманием принято мировым сообществом.

Несмотря на то что Китай выступает против интернационализации тайваньской проблемы, мировому сообществу она как раз выгодна, так как работала бы на сохранение статус-кво, т. е., с одной стороны, обеспечивала бы гарантии безопасности Тайваня, а с другой — гарантировала, что Тайвань не пойдет на одностороннее провозглашение независимости.

Внешняя сторона дела заключается в том, что главным игроком в тайваньском вопросе выступают США, и именно от позиции Вашингтона зависит развитие ситу-

ации. В этой связи необходимо сохранение Соединенными Штатами нынешнего подхода, т. е. продолжения политики «одного Китая» и неприемлемости военного сценария объединения.

Внутренний аспект проблемы состоит в том, что тайваньский вопрос является козырем во внутривластной борьбе в КПК. При этом ссылки делаются на «политическое завещание» Дэн Сяопина о необходимости воссоединения до середины нынешнего столетия. В краткосрочной и среднесрочной перспективе пересмотр наследия Дэна невозможен — пойдти на это одна группировка или политическая элита, это тут же будет использовано оппонентами. В долгосрочной перспективе такое возможно только тогда и в том случае, когда четкие и прозрачные демократические правовые процедуры станут основой внутривластной стабильности и заменят авторитет Дэн Сяопина, который до сих пор играет роль подобного рода политического стабилизатора.

Вариантом интернационализации тайваньской проблемы мог бы стать полномасштабный диалог «Большой восьмерки» и Китая, что позволило бы в обмен на изменение позиции Пекина по интернационализации тайваньской проблемы предложить ему экономические и стратегические дивиденды включая перспективу постоянного членства и превращения форума в «Девятку».

России, как и другим мировым державам, следует серьезно относиться к угрозе военного конфликта между Китаем и Тайванем и не успокаивать себя соображениями общего порядка, что никто (имеется в виду Китай) не будет убивать «куруцу (Тайвань. — *Авт*), которая несет золотые яйца».

В свете политики Китая по отношению к Северо-Восточной Азии наиболее важным фактором, непосредственно работающим на наращивание Китаем ядерного потенциала, является тайваньская проблема. Фактор усиливающегося глобального соперничества с Японией оказывает косвенное воздействие на ядерную стратегию КНР. Проблема же Северной Кореи, которая имеет ог-

ромное политическое значение для Пекина до тех пор, пока развитие в Корее не пошло по военному сценарию, не влияет на ядерную стратегию и программы вооружений КНР. Вместе с тем она открывает возможности для более активного взаимодействия других ядерных держав с Пекином по всему диапазону проблем нераспространения ядерного оружия.

Если посмотреть на проблему с китайской точки зрения, складывается новая ситуация в области контроля за распространением ядерного оружия. Обусловлена она тем обстоятельством, что Китай, условно говоря, все более готов играть на стороне Запада и России и становится более открыт к обсуждению новых правил игры в области нераспространения. Это еще не значит, что Пекин готов согласиться со всем, что ему предложат, и не будет выступать со своим видением проблемы. Китай будет бороться и за реализацию собственных интересов в этой сфере, в частности за признание его со стороны США и России если не сопоставимой с ними, то весомой и заслуживающей диалогового отношения глобальной ядерной силой. Китай готов торговаться по вопросу его подключения к ИБОР, требуя взамен на свое участие права реально влиять на решения по применению силы против стран и группировок — распространителей.

Новое китайское руководство готово в принципе участвовать в международных мерах принуждения «плохих стран». Примером тому может служить последняя декларация Путина и Ху Цзиньтао (октябрь 2004 г.), в которой Китай впервые в своей международной практике акцентировал не принципы «суверенитета и невмешательства», а применение мер принуждения в международных делах — конечно, с санкции ООН.

Это позволяет взглянуть на проблемы нераспространения в контексте подключения к их решению Китая, развития взаимодействия в данной сфере в более широком контексте, охватывающем как военно-стратегические, так и политические, правовые и экономические аспекты проблематики.

¹ Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Моск. Центр Карнеги. — М., 2005.

Глава 3.

О «ядерном выборе» Японии

Проблема создания Японией собственного ядерного оружия привлекла повышенное внимание в начале 90-х годов прошлого века. Формальным поводом для этого послужили два обстоятельства: поставка в 1992—1993 гг. в Японию из Франции 1,5 т плутония для АЭС и противодействие Японии на встрече «Большой семерки» в 1993 г. в Токио принятию решения о безусловном и неограниченном распространении ДНЯО. Суть проблемы состояла в следующем: хотя Япония потенциально (экономически и технически) в состоянии производить ядерное оружие в полном объеме, политические и институциональные ограничения, прежде всего внутреннего характера, являются на современном этапе непреодолимой преградой к принятию решения о производстве ядерного оружия. В этой связи дискуссия велась о том, является ли политическая воля народа и руководства страны, направленная против создания ЯО, достаточной гарантией для мирового сообщества или требуются более осязаемые технические препятствия для полной уверенности в «ядерной благонадежности» державы (и, соответственно, можно ли распространить такой подход на другие страны, например, на Иран)?

Ядерная энергетика и расщепляющиеся материалы.

После подписания Японией в 1951 г. Сан-Францисского мирного договора и заключения японо-американского Договора о сотрудничестве и гарантиях безопасности Соединенные Штаты сняли все ограничения на использование Японией атомной энергии в мирных целях. Уже в 1952 г. японский парламент принял закон «Об использовании радиоизотопов», ставший первым законодательным актом по применению атомной энергии, а в декабре 1955 г. был принят Основной закон по атомной энергии, в котором формулировались основные положения политики правительства в данной области.

Развиваясь уже в течение 50 лет, ядерная энергетика Японии приобрела особую значимость как важнейший составной элемент энергетической безопасности страны после нефтяного кризиса начала 70-х годов, когда со всей очевидностью проявилась необходимость диверсификации источников энергии. Роль ядерной энергии в энергетической безопасности страны как альтернативы нефтяной зависимости с тех пор значительно возросла. В 1973 г. доля электроэнергии, выработанной на тепловых электростанциях с использованием нефти, составила 73%, с использованием атомной энергии — 3%; в 2001 г. — соответственно 8% и 35%¹. В 2001 г. ядерная энергетика обеспечивала 20% общих энергетических

потребностей Японии². По прогнозам доля ядерной энергетики к 2011 г. составит 23% общей выработки энергии и 41% производства электроэнергии, что сделает уровень зависимости Японии от ядерной энергетики выше, чем у США, хотя все еще ниже, чем у Германии и Великобритании³.

Сегодня в Японии на 16 атомных электростанциях работают 52 реактора (второе место в мире) — 51 легководный ядерный реактор (ЛВР) и 1 реактор-размножитель на быстрых нейтронах (РРБН, Мондзю). Самый старый — «Михама» (Кансай) постройки 1970 г. мощностью 340 МВт, самый современный — «Хамаока-5» (Тюбу) постройки 2002 г. мощностью 1325 МВт. В процессе строительства находятся 2 реактора — «Хамаока» (Тюбу), «Сика» (Хокуруку). До 2015 г. планируется построить 8 реакторов⁴. По прогнозам суммарная электрическая мощность атомных станций в Японии после ввода в строй новых объектов составит 70 ГВт против нынешних 40 ГВт, а к концу XXI в. — 100 ГВт⁵.

Политика руководства страны в области ядерной энергетики фокусируется на использовании легководных реакторов (ЛВР) и создании замкнутого ядерного топливного цикла, воспроизводства плутония и использования МОХ-топлива (оксидного уран-плутониевого топлива). Созданием замкнутого ядерного топливного цикла и воспроизводством плутония Япония повышает уровень своей энергетической независимости с точки зрения получения ядерного топлива для атомных электростанций. Но при этом она получает возможность собственными силами регулировать выработку и масштабы накопления плутония, который может быть использован не только для мирных целей.

На 2002 г. Япония владела 38,7 т топливного плутония (reactor-grade): 5,4 т складируются в Японии, 33,3 т — в Великобритании и Франции (основные поставщики — французская корпорация «Cogema» и английская BNFL). Кроме того, 97 т содержалось в хранилищах в отработанном топливе⁶.

Япония имеет собственные мощности по переработке ядерного топлива. С 1977 г. в местечке Токай действует завод мощностью 0,4 т плутония в год. В 2006 г. планируется начать коммерческое использование второго завода в местечке Роккасё мощностью 4,8 т плутония в год (в настоящее время его готовность — 95%). Эксперты отмечают большой разрыв между потенциалом накопления плутония и возможностью его полного использования в МОХ-топливе. В том случае, если имеющиеся

программы будут полностью выполнены, Япония уже через десять лет станет первой в мире державой по запасам плутония — 80—90 т (30 т — экспорт из Европы, 6 т — Токай, 50 т — Роккасё) ⁷. Несмотря на то что воспроизведенный из ядерного топлива плутоний не достаточно чист для создания современных боевых ядерных зарядов, он тем не менее может быть использован для создания ядерных зарядов, хотя и менее эффективных. Это обстоятельство дало основание экспертам Министерства энергетики США сделать вывод, что даже гражданское использование плутония несет риск ядерного распространения ⁸.

Высокий научно-технический потенциал атомной промышленности Японии и имеющиеся реакторы (Мондзю и Дзёё) позволяют, по оценкам экспертов, получать материалы с содержанием Pu-239 свыше 96% — чище оружейного. В течение десяти лет японская сторона в состоянии выработать количество плутония, достаточное для производства 70 ядерных зарядов ⁹.

Политика правительства в области ядерного топливного цикла состоит в достижении полной переработки всего отработанного топлива и потребления плутония в качестве реакторного топлива. Однако реальное развитие событий свидетельствует, что такая политика в значительной мере не соответствует практическим потребностям. Во-первых, производство MOX-топлива обходится значительно дороже обычного обогащенного урана в качестве топлива. Для Японии этот показатель составляет 20 раз, для Франции — 5 ¹⁰. В докладе Комиссии по атомной энергии Японии (октябрь 2004 г.) отмечалось, что использование переработанного плутония увеличит стоимость 1 кВт · ч электроэнергии на 40% — с 0,5 до 0,7 иены ¹¹. Во-вторых, общее количество отработанного топлива легководных реакторов ежегодно увеличивается на 1000 т, в то время как установка в Токай перерабатывает меньше отработанного топлива — чуть больше 800 т. Даже с вводом в строй завода по переработке в Роккасё оба предприятия не смогут справиться с полной переработкой с учетом «новых поступлений».

В-третьих, программа по использованию MOX-топлива испытывает серьезные трудности из-за противодействия местных властей. В ходе референдума жители префектуры Ниигата в мае 2004 г. проголосовали против использования MOX-топлива на АЭС Касивадзаки-Карива — одном из крупнейших в мире реакторов для сжигания MOX-топлива ¹². Протесты жителей вызваны среди прочего и отсутствием у них гарантий в отношении уровня безопасности использования MOX-топлива. Такие опасения достаточно обоснованы. С 1986 по 2004 гг. на японских АЭС произошло девять достаточно серьезных аварий, в результате которых пострадало более 500 человек.

Однако, несмотря на указанные и на целый ряд других препятствий, правительство Японии не видит альтернатив ядерной энергетике с точки зрения укрепления

энергетической безопасности страны. В докладе Агентства по природным ресурсам и энергетике (май 2004 г.) подчеркивается, что ядерная энергетика остается главным энергетическим ресурсом страны ¹³. Согласно этому докладу к 2030 г. планируется снизить долю нефти в энергетическом балансе до 40% и построить еще десять реакторов. Несмотря на протесты общественности в отношении использования MOX-топлива, правительство будет наращивать масштабы его использования. В связи с тем, что новые контракты на переработку топлива за рубежом с 2005 г. заключаться не будут, неизбежно расширение масштабов собственных мощностей по переработке топлива в рамках программы замкнутого ядерного топливного цикла.

Судя по опубликованным документам, правительство Японии, несмотря на информированность общества о материальных преимуществах захоронения отработанного топлива, будет наращивать усилия по завершению строительства завода по его переработке, выделению плутония и производству MOX-топлива в Роккасё. Сопутствующим результатом реализации этих усилий станет прекращение зависимости Японии от перерабатывающих мощностей Франции и Великобритании ¹⁴. В 2002 г. кабинет министров определил стратегическую цель: к 2010 г. произвести на АЭС, электростанциях на угле и природном газе, ГРЭС и геотермальных станциях количество электроэнергии, эквивалентное тому, что образуется при сжигании 330 млн килолитров сырой нефти. Одновременно правительство намерено увеличить поддержку регионов, где планируется разместить новые реакторы, чтобы сдерживать растущее сопротивление местных жителей строительству АЭС.

Часть специалистов в ядерной области считают, что хотя из MOX-топлива и можно выделять расщепляющиеся уран и плутоний, тем не менее ядерное топливо в оксидной форме менее удобно для использования в ядерном оружии, чем топливо в металлической форме ¹⁵. Что же касается уже имеющихся мощностей по переработке отработанного топлива, то они в большей мере приспособлены для производства именно ядерного топлива. Для того чтобы эти мощности были готовы выпускать продукцию для практического производства ядерного оружия, их необходимо подвергнуть серьезной реконструкции ¹⁶.

Вместе с тем другая группа специалистов обращает серьезное внимание на то упорство, с которым японская сторона отстаивает дорогостоящую программу воспроизводства плутония и создания замкнутого цикла. Это вызывает сомнения в отношении исключительно мирных целей японской атомной программы в целом. Не находя четких ответов, многие эксперты пытаются найти иной, немирный смысл в действиях японской стороны и в этой связи рассматривают другие возможные варианты.

До настоящего времени не было сообщений или даже намеков на наличие у Японии конкретных военных ядерных программ. Однако большинство экспертов с уверенностью заявляют, что в материально-техническом плане страна в состоянии за короткое время создать ядерное оружие. Такие оценки базируются на анализе не столько финансируемых правительством военных программ, сколько передовой технологии двойного назначения, разрабатываемой в частном секторе. Проблемы финансовых средств для создания ядерного оружия у Японии нет. Имеющихся запасов плутония с учетом их будущего роста достаточно для быстрого создания ядерного потенциала, сравнимого с потенциалом КНР, Великобритании и даже Франции.

Многие эксперты подчеркивают, что помимо потенциальной возможности создать ядерные устройства Япония сегодня уже обладает не менее важным ресурсом, который превращает ядерные взрывные устройства или ядерные боеприпасы в ядерное оружие, — средствами доставки. При этом, оценивая составляющие традиционной триады — авиация, подводный флот, наземные баллистические ракеты, — эксперты в основном сходятся во мнении, что для Японии более приемлемой является последняя составная часть этой триады¹⁷. Так, по их мнению, запущенная в 1994 г. ракета Н-2 может доставлять на геостационарную орбиту до 2 т груза, что означает более 10 т забрасываемого веса для межконтинентальной баллистической ракеты (МБР). Кроме того, Япония обладает твердотопливными ракетными системами, которые могут быть переделаны в МБР. Японские ракеты М-5 и J-1 сравнимы по своим параметрам и характеристикам с американскими системами МБР МХ «Пискипер» (Peacekeeper) и «Минитмен-3» (Minuteman-3) соответственно. Технология системы М-5 позволяет оснащать эту ракету 5—10 разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) массой по 300 кг¹⁸.

Впрочем, как представляется авторам настоящего доклада, если Япония все же сделает «ядерный выбор», то наземные МБР могут рассматриваться там скорее как промежуточная стадия развития ее ядерных сил (как было во Франции). Возможно также, что Япония вообще минует эту стадию. С учетом островного положения страны, ее густонаселенности, дефицита удобных земельных угодий морское базирование может показаться более привлекательным при детальном и практическом рассмотрении вопроса. Передовые судостроение, атомная энергетика (для создания морских реакторов), электроника, системы связи, развитая океанография, доступ к космическим средствам информационного обеспечения, навигации, связи — все это позволяет Японии в течение пяти-десяти лет после принятия решения развернуть группировку подводных лодок с баллистическими и (или) крылатыми ракетами в качестве основы потенциала ядерного сдерживания.

В пользу такого выбора говорит высокая живучесть систем морского базирования, удобный выход в окружающие моря, отсутствие сколько-нибудь серьезных противолодочных сил у вероятного противника в регионе (если только им не будут США, но в этом случае и они потеряют свои главные базы флота и ВВС, находящиеся в Японии). О том же свидетельствуют другие соображения: вывод основной части ядерных средств прочь с территории страны в океан (и как объектов повышенной аварийной опасности, и как целей для гипотетического ядерного удара противника), способность быстро создать или адаптировать имеющиеся флот и авиацию для боевого обеспечения и прикрытия подводных лодок, а также доблестные военно-морские традиции державы.

Что касается подрывных устройств импlosionного типа на основе плутония, то с учетом достижений японской технологии и промышленности в области механики и электроники такой проблемы фактически не существует — имеющиеся технологии могут быть использованы для создания подобных устройств. Японские нефтяные компании создали и успешно применяют на нефтяных месторождениях Ближнего Востока уникальные подрывные устройства на нефтедобывающих комплексах, которые, по оценкам экспертов, могут быть использованы и в качестве детонаторов в ядерных зарядах¹⁹.

Таким образом, особенности японской политики в области ядерной энергетики, а также широкий спектр параметров, которые определяют комплексную мощь Японии как одной из ведущих держав мира, создают определенные предпосылки, чтобы отнести ее к разряду «пороговых держав», которые при определенных обстоятельствах могут стать обладателями потенциала ядерного сдерживания или источником ядерной угрозы²⁰.

Вместе с тем весьма прозрачная официальная политика руководства страны в отношении проблем нераспространения ядерного оружия является достаточным основанием, чтобы воздерживаться от алармистских настроений в отношении военной направленности ядерной программы Японии.

Япония и международные соглашения о нераспространении. С момента принятия в 1955 г. Основного закона по атомной энергии все японские кабинеты министров руководствуются основополагающим принципом ст. 2 этого документа: «исследования в области использования атомной энергии должны ограничиваться только мирными целями и проводиться на основе демократичности управления, независимости, гласности достигнутых результатов и являться вкладом в международное сотрудничество»²¹.

Во исполнение этих принципов в 1970 г. Япония подписала Договор о нераспространении ядерного оружия. В 1976 г. после получения от США гарантий не вмешиваться в развитие потенциала по переработке ядерного топлива в рамках программы мирного использования ядерной

энергии японское правительство ратифицировало ДНЯО и тем самым взяло на себя обязательство не производить и не приобретать ядерное оружие²². В настоящее время Япония является одним из активных участников этого договора, выступает с инициативами по сокращению ядерных вооружений, всеобщему и полному запрещению ядерных испытаний²³.

С момента создания Международного агентства по атомной энергии в июле 1957 г. Япония стала членом этой международной организации²⁴ и с тех пор тесно сотрудничает с МАГАТЭ, является одним из наиболее активных его членов. В 1998 г. Япония подписала Дополнительный протокол МАГАТЭ, в соответствии с которым страна соглашалась на предоставление агентству всеобъемлющих полномочий по проверке ядерной деятельности, выявлению незаявленных мощностей, что способствовало бы повышению эффективности деятельности этой организации по контролю за использованием ядерной энергии в мирных целях. Официальная позиция Японии состоит в том, что усиление механизмов обеспечения ядерной безопасности путем «универсализации» Дополнительного протокола МАГАТЭ — «наиболее эффективная мера по укреплению режима нераспространения»²⁵.

С учетом масштабов и большой активности Японии в области реализации программ ядерной энергетики контроль за обеспечением безопасности на японском направлении в прошлом составлял 20—30% мероприятий МАГАТЭ. Поддержка Японией в целом высокого уровня безопасности и отсутствие признаков военной направленности в реализации программ по ядерной энергетике, тщательное следование всем требованиям МАГАТЭ по безопасности и четкое и прозрачное выполнение обязательств в рамках ДНЯО привели к тому, что в июне 2004 г. МАГАТЭ сократило свой контроль на 50 японских ЛВР до минимума — с ежеквартального до одного раза в год²⁶. В ответ на это решение японский министр по делам науки и технологии Т. Кавамура выступил с заявлением о готовности Японии внести «еще больший вклад в процесс нераспространения и мирного использования ядерной энергии»²⁷.

Япония имеет серию двусторонних соглашений по мирному использованию атомной энергии (с США, Францией, Великобританией, Австралией, Канадой, КНР), в рамках которых она взяла на себя дополнительные обязательства по соблюдению режима нераспространения и контроля и которые стали дополнительной гарантией безопасности ее ядерных программ. Япония является участником четырех международных институтов, которые занимаются контролем за экспортом ядерных, химических, биологических вооружений и ракетных технологий: Группы ядерных поставщиков и Комитета Цангера, Австралийской группы, Режимы контроля над ракетной технологией (РКРТ) и Вассенаарскими сог-

лашениями. Участие в этих институтах гарантирует не только жесткое соблюдение Японией условий нераспространения, но и позволяет Токио играть активную роль в повышении эффективности международных институтов по обеспечению глобальной безопасности²⁸.

Политические аспекты возможного «ядерного выбора» Японии. В течение всего послевоенного периода официальный Токио неоднократно и с различной интенсивностью обращался к проблеме обладания ядерным оружием. Уже спустя два года после принятия Основного закона по атомной энергии премьер-министр Н. Киси заявил в мае 1957 г. в парламенте, что высказывания о том, что обладание ядерным оружием противоречит мирной Конституции Японии, носят «ошибочный характер»²⁹.

В 1968 г. тогдашний премьер-министр Э. Сато отдал распоряжение изучить «стоимость вопроса» о приобретении Японией ядерного оружия с учетом технических, экономических, стратегических, политических и дипломатических перспектив³⁰. Результатом исследования стало провозглашение Японией «трех неядерных принципов» и присуждение Э. Сато Нобелевской премии мира. Однако уже год спустя Э. Сато на пленарном заседании парламента заявил, что «три неядерных принципа» могут быть изменены в случае изменения политического курса или смены кабинета³¹.

В 1970 г. этот же вопрос в аналогичном ключе поднял тогдашний начальник Управления национальной обороны (УНО) Я. Накасонэ, ставший позднее премьер-министром (1982—1987 гг.). Я. Накасонэ отдал соответствующим подразделениям Сил самообороны распоряжение проанализировать вопрос о превращении Японии в ядерную державу. По словам самого Я. Накасонэ, он акцентировал внимание военных специалистов на двух главных аспектах: стоимости вопроса и времени разработки и размещения ядерного оружия³².

В начале 90-х годов на высоком уровне неоднократно делались заявления о возможности приобретения ядерного оружия³³. Так, бывший премьер-министр Ц. Хата в июне 1994 г. заявил в парламенте, что Япония «обладает потенциалом для создания ядерного оружия, однако не реализует его в силу международных обязательств». Ц. Хата стал первым главой правительства Японии, публично заявившим о способности Японии создать ядерные вооружения³⁴.

Высокопоставленные члены правящей партии и кабинета нынешнего премьер-министра Дз. Коидзуми уже в новом столетии делали заявления о возможности и условиях обладания Японией ядерным оружием без нарушения Конституции. Бывший генеральный секретарь первого кабинета министров Коидзуми Т. Фукуда в июне 2002 г. заявил о «теоретической» возможности обладания Японией ядерным оружием, отметив, что Конституция «не является для этого препятствием»³⁵. Не менее

важным фактом, связанным с этим заявлением, является то, что хотя премьер-министр и дистанцировался от этого заявления, сам Т. Фукуда тем не менее сохранил должность генерального секретаря правительства.

Таким образом, официальная позиция Токио сводится к тому, что с точки зрения законов и Конституции Японии не запрещено обладать ядерным оружием, но по политическим соображениям она им не обладает. Однако если внешние и внутренние обстоятельства будут диктовать такую необходимость, Япония может сделать шаг в направлении обладания ядерным оружием ³⁶.

Характерная особенность подходов военных и политических экспертов к анализу перспектив обладания Японией ядерным потенциалом состоит в том, что в основу прогнозов кладутся не технические возможности создания Японией ядерного потенциала ³⁷, а внешние и внутренние обстоятельства, при которых Япония пойдет на этот шаг.

Возможные внешние обстоятельства «за». В условиях растущей нестабильности системы международных отношений после «холодной войны» Япония как вторая в мире после США экономическая держава во все большей мере склоняется к тому, что ее нынешний глобальный статус невозможно поддерживать только экономическими инструментами. Внешние обстоятельства диктуют необходимость пересмотра не только оборонительных концепций, но и «набора инструментов» для реализации новых концепций. Шаг в направлении пересмотра стратегии национальной безопасности сделан в виде «доклада Араки» — разработки специальной группы при премьер-министре, в которой определены основные стратегические направления политики национальной безопасности на среднесрочную перспективу ³⁸.

Многие эксперты считают, что в региональном формате толчком к конкретным действиям в направлении кардинальных перемен в ядерной стратегии Японии скорее всего станет отсутствие результатов в усилиях по свертыванию военной ядерной программы КНДР ³⁹. При этом «худший кошмар» для Японии — ядерная объединенная Корея, фактор, который неизбежно приведет к приобретению Японией собственного ядерного потенциала ⁴⁰. И поскольку объединение Кореи может произойти только на «южной основе», для Японии, видимо, геополитические, стратегические и исторические соображения в данном вопросе играют более значительную роль, чем идеология, характер экономической и политической системы, которые питают тезис «демократии не воюют друг с другом».

Другим мощным фактором является наращивание Китаем военной мощи включая ядерный потенциал. Этот факт рассматривается Токио — после окончания «холодной войны» — как одна из серьезных угроз безопасности, которая может обусловить быстрое движение Японии по пути приобретения ядерного потенциала.

Причем японские представители совершенно открыто об этом заявляют ⁴¹. После окончания «холодной войны» «китайская ядерная угроза» вытеснила «советскую/российскую ядерную угрозу» ввиду «резкого уменьшения» последней в 1990-е годы. В новой программе «Основные направления развития вооруженных сил на 2005—2009 гг.», представленной в декабре 2004 г., подчеркнуто, что для Японии серьезную угрозу представляют ракетная программа КНДР и военное строительство в Китае. В этой связи вице-президент США Р. Чейни, характеризуя развитие военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии, отметил, что региональная ситуация может развиваться в таком направлении, когда Япония, «хочет она того или нет», должна будет сделать свой ядерный выбор ⁴².

Провал международного режима ядерного нераспространения может создать условия для пересмотра Японией ее отношения к обладанию ядерным потенциалом в позитивном ключе. С начала 90-х годов XX столетия активизировались попытки стран, которых раньше относили к «третьему миру», развивать собственные ядерные программы, несмотря на их членство в ДНЯО. В начале нового десятилетия возник прецедент выхода стран из ДНЯО с целью создания ядерного оружия (КНДР). Некоторые члены «ядерного клуба» активизировали усилия в области модернизации ядерных программ и наращивания ядерного потенциала. Дальнейшее развитие этих тенденций международной жизни может свести на нет эффективность ДНЯО и привести к полному развалу режима нераспространения. В таких условиях Япония сможет использовать свое право в соответствии со ст. X ДНЯО и на легальных основаниях задействовать собственные запасы плутония для создания ядерного арсенала ⁴³.

Решающее воздействие на принятие решения о приобретении Японией ядерного оружия может оказать утрата доверия в отношении американского «ядерного зонтика», обусловленная общим ослаблением американо-японской союзнической системы ⁴⁴. Ядерные гарантии США в отношении союзников в годы «холодной войны» исключали для последних, в том числе и для Японии, необходимость приобретения ядерного оружия, несмотря на их материальную и техническую способность обладать им. С окончанием «холодной войны» «растворилась» общая угроза в лице коммунистического блока, объединявшая США и их союзников, и в Японии стали возникать сомнения в отношении готовности Соединенных Штатов соблюдать прежние гарантии по безопасности Японии, несмотря на то что после окончания «холодной войны» ядерная угроза для Японии не исчезла (Китай, потенциально Россия). По мнению японских военных экспертов, перспектива возможного резкого улучшения американо-китайских отношений, реализация США Стратегической инициативы для Восточной Азии, нацеленной на сокращение американско-

го военного присутствия в регионе, неизбежно приведут к изменению стратегической архитектоники в Восточной Азии, нарушению сложившегося баланса сил. В этих условиях высока вероятность того, что Япония сделает свой ядерный выбор с целью поддержания обеспечивающего ее безопасность баланса сил и противостояния «китайской гегемонии» в регионе.

На уровне общественного мнения, как минимум, существует проблема попыток Японии дистанцироваться от США в плане обретения большей военно-политической самостоятельности. Некоторые японские аналитики считают, что принятие нового закона о «чрезвычайных обстоятельствах» должно сопровождаться укреплением «независимости» Японии в обеспечении собственной безопасности⁴⁵. Укрепление независимости, по их мнению, должно сопровождаться пересмотром соглашения об американских базах в Японии, ослаблением зависимости от США в плане обеспечения собственной безопасности и одновременно реализацией предпосылок к созданию регионального диалога по безопасности с участием Китая, России, КНДР⁴⁶. По мнению этой группы японских экспертов, необходимо менять ситуацию, когда исключительно США определяют, что угрожает Японии и что ей надо делать для нейтрализации угроз.

Политически не ангажированные американские аналитики и военные эксперты склонны считать, что при определенных условиях нынешние тенденции в политике Японии, связанные с пересмотром Конституции, поиском новой роли и места военных в политической структуре страны и др., могут стать вызовом для США. «Японский вызов» кардинально отличается от других вызовов, с которыми США вероятно или наверняка столкнутся в Восточной Азии в нынешнем веке. Суть этого вызова состоит в следующем: развитие ситуации на региональном и глобальном уровнях и внутренние перемены во внутренней жизни Японии создают предпосылки для качественной «эволюции стратегической культуры Японии», обретения Токио большей самостоятельности в формировании внешнеполитической стратегии. На таком фоне более независимый курс Японии неизбежно отразится как на самом качестве американо-японского союза, так и на стратегических интересах США в Восточной Азии. По оценке некоторых американских экспертов, американо-японские отношения на современном этапе представляют собой «фундаментальный парадокс»: с одной стороны, они являются «исключительно важными из тех отношений, которые (США. — *Авт*) имеют на сегодняшний день», с другой — «они крайне неустойчивы». И именно эта неустойчивость — «огромный вызов (для США. — *Авт*)»⁴⁷.

Внешиполитическая стратегия Японии по-прежнему направлена «против возможности снижения военно-политической вовлеченности США в дела Восточной Азии»⁴⁸. Вместе с тем Токио принимает меры для обеспе-

чения «большой независимости в формировании его военного потенциала, дипломатических позиций, создания региональной экономической сети». В целом, считают американские эксперты, Япония сегодня «не менее обязательна в отношении американо-японского союза, чем прежде, но более напориста в плане пересмотра ее роли в рамках союза, в создании независимой военно-производственной базы»; она самостоятельно готовится «к потенциальным потрясениям в будущем», которые могут поставить под вопрос «не только присутствие американских баз в Японии, но и сам союз»⁴⁹.

Кроме того, «сдерживание» Японии не в последнюю очередь обусловлено довольно активным формированием тенденций паназиатизма в Восточной Азии. Паназиатизм как составная часть транстихоокеанских взаимоотношений при лидирующей роли США — вариант, приемлемый для Вашингтона. И нынешнее состояние указанных тенденций носит для США допустимый характер, равно как не внушает серьезных опасений и японо-китайское сотрудничество. Однако, как считают американские эксперты, «закрытые формы паназиатского регионализма» могут развиваться в направлении, «неблагоприятном для интересов США». Так, более тесные политико-экономические связи между Японией и Китаем могут «усилить остаточные меркантилистские рефлексии» и ограничить цели американской дипломатии в регионе. Поэтому США необходимо гарантировать «здоровые транстихоокеанские экономические связи в качестве контрапункта будущей эволюции паназиатского регионализма»⁵⁰.

Внешние факторы «против». Со стратегической точки зрения обладание Японией ядерным оружием чревато большими опасностями для нее самой. Япония — островное государство с незначительной территорией и высокой плотностью населения⁵¹. Применение даже нескольких ядерных зарядов нанесет Японии неприемлемый ущерб, а создание ею ядерного потенциала спровоцирует ответное наращивание ядерных сил соседних государств, прежде всего КНР и России. Следовательно, обладание ядерным оружием принесет весьма противоречивые плоды для безопасности страны, а оптимальным выбором является сохранение союзнических отношений с США и партнерских — с КНР и Россией.

Политика приобретения ядерного оружия самым серьезным образом подрвет внешнеполитические и дипломатические позиции Токио не только в регионе, но и на глобальном уровне. За этим неизбежно последует и подрыв экономических позиций, что скажется на всех аспектах обеспечения всеобъемлющей безопасности Японии — экономической, финансовой, продовольственной и др. Япония с учетом ее недалекого исторического прошлого может оказаться в политической, дипломатической и экономической изоляции, ко-

торая не может быть прорвана приобретенным ядерным оружием⁵².

Внутренние факторы «за». Составной частью послевоенной эволюции общественной жизни Японии является возрождение националистических тенденций, которые находят конкретное отражение в целом ряде политических шагов во внутриполитической жизни. Очевидно взаимодействие националистических кругов с политической и законодательной властью⁵³. Пакет законов о чрезвычайных обстоятельствах, принятый в 2004 г., и другие мероприятия свидетельствуют об укреплении такой связи⁵⁴. Результатом деятельности «активных» и «пассивных» представителей националистических кругов стал тот факт, что Япония находится на пороге пересмотра Конституции. Окончательные рекомендации по пересмотру будут подготовлены к 50-летию юбилею правящей Либерально-демократической партии в ноябре 2005 г., однако, судя по промежуточному докладу парламентской комиссии по пересмотру Конституции, сам процесс пересмотра был задуман не столько для «переписки навязанной американцами Конституции», сколько для выработки стратегического курса, направленного на превращение Японии в «нормальное государство», т. е. военно-политического и экономического лидера глобального масштаба.

Любое негативное для безопасности Японии изменение стратегической ситуации в регионе станет мотивом для активизации националистов, создаст условия для прихода их к власти и в результате к росту вероятности того, что Япония приобретет ядерное оружие.

Внутренние факторы «против». Потенциал ультраправых политиков пока не достиг «критической массы», что позволило бы излечить «ядерную аллергию» у населения страны и кардинально изменить законодательные препятствия касательно обладания ядерным потенциалом. В правящей коалиции и оппозиционных партиях пока нет достаточной поддержки идеи обладания ядерным оружием.

Мощные антиядерные настроения населения превратились в глубокую национальную веру. Опросы свидетельствуют о доминировании в обществе мнения против приобретения Японией ядерного оружия⁵⁵. Сегодня законодательными «ограничителями» являются Конституция, Основной закон об атомной энергии, членство Японии в ДНЯО, «три неядерных принципа», «исключительно оборонительная военная политика». В этих условиях любой кабинет или политический деятель, которые попытаются перевести «ядерный выбор» на практические рельсы, безусловно, встретят противодействие со стороны общества.

Вместе с тем, поскольку общественное мнение во многом зависит от обстоятельств — внутренних или внешних, нельзя исключить, что «ядерная аллергия» может быть снята «в силу новых обстоятельств»⁵⁶. Серьезный

региональный кризис, угрожающий национальной безопасности, может способствовать приходу к власти правых политиков, которые сделают свой «ядерный выбор», и японское общество сможет «понять необходимость» таких мер. Один футбольный матч между сборными Японии и КНР (победила японская команда) и захват китайской подводной лодки в территориальные воды Японии резко повысили неприязнь японского общественного мнения в отношении Китая, притом что отношение к гиганту-соседу выглядело весьма позитивным в течение последних лет⁵⁷.

Аналогичная ситуация складывается и с законодательными ограничителями, которые уже давно подорваны политикой двойных стандартов правящих кругов. «Три неядерных принципа» нарушены с момента их провозглашения не без помощи США, которые в секретном порядке провозили через территорию Японии ядерное оружие. Японские Силы самообороны в нарушение Конституции участвуют в военных действиях за рубежом, широкую поддержку получила идея снятия запрета на экспорт вооружений и др. Иначе говоря, законодательные преграды на самом деле не являются таковыми в абсолютном понимании.

Подводя итог, следует подчеркнуть следующее. Япония обладает всеми возможностями самостоятельно и в исторически короткие сроки создать существенный ядерный потенциал: в течение года произвести несколько десятков ядерных боеприпасов на плутониевой основе, за два-три года приспособить для их доставки имеющиеся баллистические носители космического назначения, в последующие пять-десять лет построить несколько атомных подводных лодок с баллистическими ракетами и переоборудовать имеющиеся многоцелевые подводные лодки под ядерные крылатые ракеты большой дальности для весьма эффективного ядерного сдерживания, нацеленного на КНДР, индустриальные зоны КНР и российского Дальнего Востока. Пока препятствием к принятию такого курса является наличие некоторых внешних и внутренних факторов, однако они достаточно податливы для изменения. Главное условие — изменение общественного мнения и политическая решимость руководства страны.

Очевидно, что и в будущем Япония будет совершенствовать свою ресурсную и технологическую базу, необходимую для создания ядерного потенциала. Суть ее долгосрочной стратегии будет состоять в постепенном создании ядерного потенциала «по частям», рассредоточивая НИОКР по отдельным гражданским отраслям, не вызывающим подозрений.

В близкой перспективе Япония будет продолжать придерживаться линии на сохранение ДНЯО и других международных соглашений, направленных на обеспечение «ядерной безопасности мира». Однако она будет использовать все инструменты для того, чтобы сохра-

нять и собственную маневренность в отношении национального «ядерного выбора», которая бы позволила ей приобрести ядерный потенциал в случае, если такая необходимость будет «обусловлена международными и внутренними обстоятельствами». В этой связи нельзя не согласиться с мнением, что ядерные державы, прежде всего члены «ядерного клуба», должны, насколько возможно, удерживать Японию от необходимости серьезно

рассматривать возможность приобретения ядерного оружия⁵⁸.

Ключевую роль в этом плане будут играть разрешение «ядерного вопроса» Северной Кореи, степень надежности американских гарантий безопасности и восприятие Китая как потенциальной угрозы или экономического и политического партнера для Японии.

¹ Северо-Восточная Азия: энергетические стратегии безопасности / В. Михеев, В. Якубовский, Я. Бергер, Г. Белокурова. — М., 2004. — С. 21. — (Рабочие материалы / Моск. Центр Карнеги; № 6).

² Japan's Nuclear Option: Security, Politics, and Policy in the 21st Century / Ed. by B. L. Self and J. W. Tompson. — [S. l.], Dec. 2003 (<http://www.stimson.org/fopo/pubs.cfm?ID=91>).

³ Ibid.

⁴ Location of Nuclear Power Plants in Japan, 2004 // <http://www.japannuclear.com>.

⁵ Lidsky L. M., Miller M. M. Nuclear Power and Energy Security: A Revised Strategy for Japan // Science and Global Security. — 2002. — Vol. 10. — P. 127—150.

⁶ Amount of Plutonium as of the end of year // Citizen's Nuclear Inform. Center. — [S. l.], 2004.

⁷ Hahnkyu Park. Japan's Nuclear Options: Its Possibilities and Limitations // Pacific Focus. — 2002. — Vol. 17. — № 2. — Fall. — P. 156.

⁸ Hiruo E., Marshall P. Reactor-Plutonium Used in the 1962 Bomb Test Highlights Proliferation Concerns // Nucleonics Week. — 1994. — June 30. — P. 12. Такой точки зрения придерживаются не только американские эксперты: Australia-obligated plutonium and Japan's nuclear ambitions // <http://www.geocities.com/jimgreen3>.

⁹ Hahnkyu Park. Op. cit. — P. 157.

¹⁰ Sawai Masako. Rokkasho: A Trouble Nuclear Fuel Cycle Complex // IEER Science for Democratic Action. — 2001. — Vol. 9. — № 4. — Energy & Security.

¹¹ Nuclear recycling costs fail to add up // Asahi Shimbun. — 2004. — Oct. 6.

¹² <http://www.ierr.or/russian/mox9.html>. После длительного сопротивления в марте 2004 г. администрация префектуры Фукуи разрешила использование MOX-топлива на АЭС «Такахама».

¹³ The Japan Times. — 2004. — May 15.

¹⁴ Japan's Nuclear Option: Security, Politics, and Policy in the 21st Century. — P. 167.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. — P. 171—174.

¹⁸ Harrison S. Japan's Nuclear Future: The Plutonium Debate and East Asian Security / Carnegie Endowment. — Washington, 1996. — P. 21—22.

¹⁹ Hahnkyu Park. Op. cit. — P. 158.

²⁰ Greenpeace calls for cancellation of «Peaceful» nuclear cooperation with Japan as Special Diet Committee debates nuclear weapons policy, 10 June 2002 // <http://www.greenpeace.org/pressreleases/nuclear/2002jun10.html>.

²¹ Atomic Energy Basic Law. Law # 186: December 19, 1955, Article 2 // <http://www.jnc.go.jp>.

²² Addressing Nonproliferation Concerns // <http://www.japannuclear.com/nuclearpower/nonproliferation>.

²³ На церемонии памяти жертв атомной бомбардировки Нагасаки в августе 2004 г. премьер-министр Японии Дз. Коидзуми вновь призвал к укреплению режима всеобщего запрещения ядерных испытаний и в очередной раз подчеркнул, что Япония будет строго придерживаться трех неядерных принципов — не иметь, не производить и не размещать ядерное оружие на своей территории (ИТАР-ТАСС. — 2004. — 9 авг.).

²⁴ Первоначально Япония была представлена в МАГАТЭ Бюро по делам ООН МИД Японии (Доценко В. Н. Атомная энергетика Японии: Технично-социальные аспекты. — М.: Наука, 1989).

²⁵ Keynote Address of Mr. Keishiro Fukushima Parliamentary Secretary for Foreign Affairs of Japan on «Benefits of Strengthening safeguards» at Asia-Pacific Nuclear Safeguards and Security Conference Protecting Against Nuclear Terrorism, 8 November 2004, Sydney, Australia.

²⁶ IAEA to cut reactor checks within Japan // The Daily Yomiuri. — 2004. — June 6.

²⁷ IAEA to cut Japan nuclear inspections // Asahi Shimbun. — 2004. — June 16.

²⁸ Japan's Disarmament and Non-Proliferation Policy, Directorate General, Arms Control and Scientific Affairs, Ministry of Foreign Affairs, April 2004, pp. 178—192

²⁹ Компас № 72 / ИТАР-ТАСС. — 1994. — 16 мая.

³⁰ Miller M. Japan, Nuclear Weapons, and Reactor-Grade Plutonium (presented to seminar at Nuclear Control Institute).

³¹ Компас № 72.

³² Kyodo News. — 2004. — June 19. Эти «откровения» Я. Накасонэ опубликованы в его очередных мемуарах, увидевших свет в конце июля 2004 г.

³³ Hahnkyu Park. Op. cit. — P. 160—161.

- ³⁴ Nuclear Weapons Program — Japan // <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/japan/nuke.htm>.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ В январе 1994 г. со ссылкой на «надежные источники» английская газета «Санди таймс» сообщила, что в стенах британского Министерства обороны подготовлен доклад о том, что Япония обладает всеми компонентами для сборки собственной ядерной бомбы (Процессы, проблемы, анализ, № 7 // ИТАР-ТАСС. — 1994. — 17 февр).
- ³⁸ Japan's Vision for Future Security and Defense Capabilities. — [S. I.], Oct. 2004. — (The Council on Security and Defense Capabilities Report).
- ³⁹ Kissinger H. A. Why America Can't Withdraw from Asia // Washington Post. — 1993. — June 15. В 1999 г. в рамках «Экономического форума 1999» в Сеуле Г. Киссинджер вновь выступил с таким прогнозом. Такой точки зрения придерживались не только эксперты, но и официальные структуры, в частности, Великобритании (*Hahnkyu Park*. Op. cit.).
- ⁴⁰ New World Coming: American Security in the 21st Century. Supporting Research and Analysis. The Phase I Report on the Emerging Global Security Environment for the First Quarter of the 21st Century / The United States Commission on National Security/21st Century (USCNS/21). — [S. I.], Sept. 15, 1999. — P. 70.
- ⁴¹ На встрече с представителями Народного собрания КНР в апреле 2002 г. один из лидеров нынешней оппозиционной Демократической партии Японии И. Одава заявил, что военное строительство в КНР может спровоцировать Японию в короткие сроки создать «сотни ядерных боеголовок» из плутония, получаемого в рамках широкомасштабной программы по переработки топлива АЭС (Asahi Shimbun. — 2002. — Apr. 7).
- ⁴² Asahi Shimbun. — 2003. — March 17.
- ⁴³ *Hahnkyu Park*. Op. cit.
- ⁴⁴ Halperin M. The Nuclear Dimension of the U.S. // Japan Alliance. — 1999. — July.
- ⁴⁵ Jitsuro Terashima: Recover the nation's independence on security // Asahi Shimbun. — 2002. — Apr. 5.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Campbell K. New Politics in Washington & The US-Japan Relationship, Hotel Okura Executive Luncheon Meeting: Series #3, August 2, 2001 // http://www.glocom.org/special_topics/okura/200109_new_politics/index.html.
- ⁴⁸ East Asia and the United States: Current Status and Five-Year Outlook. — [S. I.], Sept. 2000. — P. 80.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Japan's Nuclear Option: Security, Politics, and Policy in the 21st Century. — P. 7; Kamiya M. No Nukes // The Japan J. — 2004. — July.
- ⁵² Kamiya M. Will Japan Go Nuclear? Myth and Reality. — [S. I.], Nov. 29, 1996 (<http://www.vuw.ac.nz/css/Japan-Nuclear/japan-txt>).
- ⁵³ О японском национализме на современном этапе см.: Mattews E. A. Japan's New Nationalism // Foreign Affairs. — 2003. — Nov./Dec. — P. 74—90.
- ⁵⁴ East Asia and the United States... — P. 80.
- ⁵⁵ *Hahnkyu Park*. Op. cit. — P. 153.
- ⁵⁶ Ракетные пуски КНДР «в сторону» Японии значительно облегчили правящим кругам задачу продвинуть программу создания ПРО ТВД, которая воспринимается в японском обществе как необходимая мера для обеспечения собственной безопасности.
- ⁵⁷ The Japan Times. — 2004. — Dec. 20.
- ⁵⁸ Miller M. Op. cit.

Глава 4. Южная Корея

Начало ядерной программы Республики Корея относится к 1959 г. В последующие годы была создана современная научно-исследовательская инфраструктура для проведения работ в области ядерной энергии. До середины 70-х годов прошлого столетия Сеул достаточно активно проводил исследования военно-прикладного характера в ядерной сфере. Степень продвинутости этих исследований, очевидно, можно оценивать по уровню настойчивости и жесткости, с которыми США заставили своего союзника в 1976 г. свернуть все разработки военной направленности. Прекратив военные программы и сделав выбор в пользу «ядерного зонтика» США, руководство страны определило свой мирный выбор, однако фактом остается то, что в политическом истеблишменте и обществе в целом имеются определенные группы, до сих пор выступающие в пользу проведения ядерных исследований военно-прикладного характера.

В настоящее время Южная Корея выделяется высоким уровнем развития программ развития мирной ядерной энергетики, ориентированной в долгосрочном плане на последовательное увеличение производства электроэнергии с целью поддержания высоких темпов роста промышленного развития и сокращения импорта нефти и угля. Эти программы реализуются за счет широкого сотрудничества с промышленно развитыми странами и предусматривают заключение долговременных контрактов на поставку реакторного топлива и материалов для его изготовления в сочетании со стремлением к прямому участию южнокорейского капитала в разработке зарубежных урановых месторождений. Такое сотрудничество в 1970—1990-е годы наиболее активно осуществлялось с фирмами ФРГ, Франции, Канады, Австралии, Японии. Однако основная научно-техническая база и потенциал ядерных НИОКР были созданы при доминирующем участии США¹.

Политика Республики Корея направлена на достижение самообеспеченности в ядерной области за счет импорта (чаще всего лицензий на производство соответствующего оборудования) и использования собственных разработок. По некоторым оценкам, собственные запасы природного урана в Южной Корее составляют около 15 тыс. т. Однако масштабы развития ядерной энергетики в стране обуславливают необходимость не только разведки месторождений на собственной территории, но и участие в их поиске в других странах (США, Канада, Габон).

С 1994 по 2004 гг. в стране было построено 10 реакто-

ров с 7,2 ГВт до почти 12,5 ГВт. В настоящее время в стране действует 19 атомных электростанций, которые вырабатывают 40% потребляемой в стране энергии². В соответствии с разработанными в начале 90-х годов планами до 2006 г. должны войти в строй 8 легководных (по 950 МВт) и 5 тяжеловодных (по 630 МВт) реакторов.

С введением в строй в 1990 г. в эксплуатацию линии по реконверсии урана для легководных реакторов Южная Корея фактически обрела независимость в обеспечении своей ядерной энергетики реакторным топливом. По оценкам специалистов, с загрузкой в сентябре 1994 г. топлива в реактор 3-го энергоблока АЭС в г. Ёнгване страна вступила в период независимости от иностранных партнеров в области ядерной энергетики. Этот энергоблок укомплектован реактором типа PWR мощностью 1000 МВт. Абсолютное большинство агрегатов и узлов АЭС разработаны южнокорейскими специалистами. Зарубежные фирмы выступают только в качестве субподрядчиков.

Каждая АЭС имеет собственные хранилища облученного топлива, рассчитанные на десять лет; центральное хранилище рассчитано на 3000 т облученного топлива.

По оценкам российских аналитиков, которые согласуются с зарубежными исследованиями, собственного ядерного оружия у Южной Кореи нет³.

В своей ядерной политике ее правительство руководствуется четырьмя принципами мирного использования ядерной энергии: не иметь намерений разрабатывать или иметь ядерное оружие, твердо придерживаться принципов ядерной транспарентности, выполнять международные обязательства по нераспространению, расширять мирное использование ядерной энергии⁴. Республика Корея присоединилась к ДНЯО 1 июля 1968 г., в день открытия для подписания, а ратифицировала его только в марте 1975 г. Задержка была обусловлена отсутствием подписей под договором КНР и КНДР и отсутствием ратификации со стороны Японии. Южная Корея тесно сотрудничает с МАГАТЭ и присоединилась к Дополнительному протоколу 1997 г.

Вместе с тем, как выяснилось в последнее время, Южная Корея в нарушение ограничений ДНЯО в 1980-е и в начале текущего десятилетия проводила тайные эксперименты с ураном и плутонием. В 1982 г. было произведено 150 кг металлического урана, часть которого была использована в 2000 г. в экспериментах по обогащению. В 1982 г. в результате эксперимента было получено небольшое количество оружейного плутония. В 1993—1994 гг. была предпринята попытка сохранить некото-

рый объем наработанных военных технологий в области ядерного оружия («Проект-88»). Эксперимент был обусловлен активизацией КНДР в области разработок ядерного оружия⁵.

В результате эксперимента в 2000 г. было обогащено 0,2 г урана, уровень обогащения — 77%, близкий к оружейному⁶. Спустя четыре года южнокорейская сторона сама сообщила в МАГАТЭ о проводившихся в тайне экспериментах и их результатах. Эксперты утверждают, что на такой шаг южнокорейская сторона пошла после ратификации в феврале 2004 г. парламентом Дополнительного протокола МАГАТЭ (INFCIRC/540)⁷.

Заявление южнокорейской стороны об экспериментах по обогащению плутония вызвало активную дискуссию в международном сообществе и внутри страны. Однако всплеск эмоций быстро утих после проверки на месте этого сообщения экспертами МАГАТЭ, которые подтвердили не только сам факт эксперимента, но и факт уничтожения всего оборудования после его проведения.

Вместе с тем заслуживает внимания внутривнутриполитическая реакция на это событие. Незначительная часть общественности была шокирована проведением эксперимента, в то время как большая ее часть испытала гордость за способность южнокорейских ученых производить ядерные материалы⁸. Члены парламента критиковали правительство за «неадекватную дипломатическую поддержку» корейских ученых в этом инциденте и, в свою очередь, выдвинули претензии к МАГАТЭ и США, которые практически никак не реагировали на обнаруженные в Японии «неучтенные» 210 кг плутония⁹.

Данные примеры весьма показательны. Во-первых, указанный инцидент никак не влияет на положение Южной Кореи в ДНЯО и на решимость ее правительст-

ва твердо следовать принципам мирного использования ядерной энергии. Во-вторых, были продемонстрированы высокие профессиональный уровень и техническая оснащенность корейских специалистов-ядерщиков. В-третьих, подтвердились предположения, что Республика Корея имеет политические амбиции позиционировать себя в качестве одного из региональных лидеров, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать будущую активность Сеула не только в сфере экономического сотрудничества в регионе, но и в сфере военно-политической. В-четвертых, есть свидетельства того, что Сеул все же не до конца верит в результативность своей мирной политики в отношении Пхеньяна и стремится иметь соответствующий потенциал сдерживания в случае возникновения на полуострове чрезвычайной ситуации, тем более что с сокращением американского военного присутствия на территории Южной Кореи уровень риска возникновения такой ситуации может возрасти.

И все же готовность Сеула к сотрудничеству с МАГАТЭ по проблеме ядерного нераспространения, подтвержденная в ходе расследования вскрывшегося факта нелегальных ядерных исследований, не дает оснований для тревоги по поводу южнокорейских планов создания ядерного оружия. Другое дело, что важно учитывать и внутривнутриполитическую обстановку в стране. Идеи типа «хорошо, что у Северной Кореи есть бомба, это усилит и нашу независимость (от США. — *Авт*) после объединения», распространены среди националистически и антиамерикански настроенной части южнокорейской политической элиты. И эти идеи будут распространяться, если другие страны Северо-Восточной Азии станут продолжать посылать сигналы о своих ядерных амбициях.

¹ Ядерный фактор в современном мире / Рос. ин-т стратег. исследований. — М., 1995. — С. 84—86.

² РИА «Новости». — 2004. — 27 сент.

³ Договор о нераспространении ядерного оружия: Проблемы продления / Служба внешней разведки Российской Федерации. — М., 1995. — С. 27.

⁴ Statement by the Standing Committee of National Security Council «For Principles on the Peaceful Use of Nuclear Energy». — [S. I.], Sept. 18, 2004.

⁵ Chosun Ilbo. — 2004. — Sept. 16.

⁶ Nuclear Shell Games // Time Asia. — 2004. — Nov. 8. — Vol. 164. — № 19.

⁷ Kang J., Suzuki T., Hayes P. South Korea's Nuclear Mis-Adventures: Special Report, September 10, 2004 // <http://www.nautilus.org>.

⁸ Chang J. D. Korea's Transformation Implications for Its View on North Korea's Nuclear Ambition: Report / Moscow Carnegie Center. — Moscow, Oct. 28, 2004.

⁹ Ibid.

Выводы

Общепризнано — и с этим мнением согласны авторы настоящего доклада, — что ключевым вопросом ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии является исход эпопеи с ядерной программой КНДР. Он определит на обозримый период как вероятность ядерного распространения применительно к Японии и Южной Корее, а через них — перспективы форсированного наращивания ядерных сил КНР, так и судьбу режима и механизмов ДНЯО в глобальном масштабе, степень опасности вооруженного конфликта в регионе, дальнейшего расползания ядерных и ракетных технологий по всему миру, возможность получения доступа к ядерному оружию со стороны международного терроризма.

Участники настоящего проекта полагают, что сейчас КНДР еще не имеет ядерного оружия в полном смысле слова: в качестве средства нанесения ядерного удара по другой стране и в качестве инструмента такой угрозы для стратегии сдерживания. Но нельзя исключать, что там есть несколько собранных ядерных взрывных устройств, в дееспособности которых у Пхеньяна нет уверенности без натурального испытания, которое не проводится из страха перед неудачей и возможной силовой реакцией США как на удачный, так и на неудачный эксперимент. Очевидно также, что КНДР сталкивается с большими техническими и экономическими трудностями в создании практически применимой в военном отношении ядерной боеголовки на плутониевой или урановой основе и в разработке ракетных носителей с дальностью более 3 тыс. км.

Судя по всему, пока политика Пхеньяна строится на блефе, и его ядерная программа, как и отношение к ДНЯО и системе гарантий МАГАТЭ, рассматривается там в качестве козырной карты для выторговывания международного признания, гарантий безопасности, экономической помощи в целях продления существования тоталитарного политического режима и облегчения катастрофического экономического положения страны. В ином случае трудно объяснить «преждевременный» открытый выход Северной Кореи из ДНЯО в 2003 г., сделавший ее центром международной озабоченности, равно как и объявление об успешном создании ЯО в 2005 г., которое так и не подкреплено убедительными доказательствами наличия у КНДР ядерного оружия.

Таким образом, по мнению участников исследования, ядерная программа Северной Кореи еще не пересекла «рубеж необратимости», и проблема может быть урегулирована политическим путем.

Впрочем, в порядке оговорки авторы доклада признают, что оценка мотивов действий столь замкнутого тоталитарного режима может быть лишь условной и за пределами логических построений могут остаться какие-то иррациональные мотивы и факторы политики высшего северокорейского руководства. Тем не менее если Пхеньян действительно боится неспровоцированного американского военного нападения и стремится к ядерному статусу из престижных соображений внутреннего и внешнего порядка, то его демонстративный разрыв с ДНЯО и заявка на ядерный статус должны были бы как можно скорее подкрепиться созданием хотя бы небольших ракетно-ядерных сил сдерживания. В ином случае именно такая политика более всего провоцирует США на военные действия, от которых она по идее призвана защитить КНДР, и было бы слишком рискованно бесконечно рассчитывать на сдерживающие факторы в виде положения Соединенных Штатов в Ираке, обострения их отношений с Ираном, оппозиции военной акции со стороны КНР, России, Южной Кореи и Японии.

Вместе с тем продолжение военной ядерной программы КНДР в отсутствие контроля и гарантий МАГАТЭ рано или поздно, а возможно, уже в ближайшие годы способно увенчаться созданием ядерного оружия и ограниченного количества ядерных средств на баллистических носителях оперативно-тактической и средней дальности. Помимо перечисленных угроз для международной безопасности это способно привести к непредсказуемым последствиям, если совпадет с крахом режима и полной дестабилизацией социально-политического положения на полуострове.

В этом свете шестисторонние переговоры представляют первостепенную возможность предотвратить кризис и достичь политического урегулирования проблемы. По мнению авторов доклада, для этого настоятельно требуется резкое повышение их эффективности и темпов продвижения к соглашению. Прежде всего, стоит задача выработки единой стратегии, приоритетов и тактики пятерки, которых сейчас нет. Далее необходимо оптимально сформировать пакет соглашений по разным пунктам повестки дня и расширить ее для охвата более масштабных проблем безопасности региона и исключения саботажа со стороны Пхеньяна. Наконец, ввиду огромной неопределенности относительно мотивов и целей политики КНДР «пятерке» следует самостоятельно сформировать пакет соглашений как осно-

ву договоренности и использовать все меры для обеспечения принятия их Северной Кореей. Разумеется, этот пакет должен быть приемлемым также и для нее с соблюдением обязательного условия прекращения военной ядерной программы.

То, что гарантии безопасности, политический диалог и экономическая помощь в краткосрочной перспективе повысят престиж и статус тоталитарного северокорейского режима вне и внутри страны, продлят его существование, едва ли должно смущать Запад и российских демократов. В среднесрочной перспективе вовлечение КНДР в экономику и политику региона будет способствовать большей открытости страны, рыночным реформам, политическому разрыхлению и размыванию жесткой тоталитарной системы. Это создаст почву для последующего постепенного объединения КНДР и Южной Кореи на основе экономики и политической структуры последней, уменьшит вероятность обвалных процессов и резкой социально-политической и военной дестабилизации положения на полуострове.

В общих чертах такой «пакет» соглашений и взаимных уступок может состоять из следующих основных элементов:

- предоставление в рамках шестисторонних переговоров негативных гарантий безопасности со стороны США и других великих держав обоим корейским государствам, заключение мирного договора взамен Соглашения о перемирии 1953 г.;

- возобновление проекта КЕДО с участием России и КНР, экономическая (в том числе топливная) помощь КНДР и ее вовлечение в международные экономические проекты (трубопроводы, железная дорога и пр.).

В обмен на эти предложения КНДР должна вернуться в ДНЯО и безоговорочно присоединиться к Дополнительному протоколу 1997 г., а также к ДВЗЯИ, РКРТ, Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей, всем режимам экспортного контроля. КНДР должна согласиться на контролируруемую ликвидацию всех элементов военной ядерной программы, демонтаж ее ядерных объектов помимо АЭС по проекту КЕДО (прежде всего реакторов-наработчиков плутония, предприятий по обогащению урана и выделению плутония из ОЯТ), ликвидацию оружейных ядерных материалов (и боеприпасов, если таковые к тому моменту будут уже собраны). Топливо для АЭС на легководных реакторах странам Группы ядерных поставщиков следует поставлять Северной Корее по минимальной стоимости мирового рынка.

Ракетная программа КНДР должна ограничиться рамками РКРТ, остальные элементы программы должны ликвидироваться под международным контролем с использованием опыта Договора о ракетах средней и малой дальности. Запуски корейских спутников гражданского назначения можно осуществлять носителями великих держав по минимальному тарифу.

В качестве одного из направлений и этапов урегулирования можно согласовать меры сокращения вооруженных сил и вооружений в зоне вдоль линии разъединения, частично используя опыт Договора об обычных вооружениях в Европе и договора по сокращению войск и вооружений в зоне границы КНР и республик бывшего СССР. Стороны этой договоренности плюс Узбекистан впоследствии образовали Шанхайскую организацию сотрудничества, что тоже могло бы послужить моделью для шести участников переговоров по корейской ядерной проблеме.

Такой комплекс соглашений скорее всего снимет вопрос «ядерного выбора» Японии и Южной Кореи в среднесрочном плане. По мнению авторов доклада, нынешняя ядерная программа Японии не вполне укладывается в чисто мирное русло, несмотря на доверие к ней со стороны МАГАТЭ и безупречное практическое поведение Токио в развитии ядерной энергетики и соблюдении ДНЯО и всех его механизмов и режимов. Не делая ничего запретного, Япония упорно отстаивает дорогостоящую программу воспроизводства плутония и создания замкнутого топливного цикла, не вполне соответствующую прогнозируемым потребностям мирной ядерной энергетики, а также хранит у себя более 1 т плутония, выделенного из ОЯТ, которого достаточно для производства порядка сотни ядерных боеприпасов. Складывается впечатление, что Токио придает все большее значение сохранению возможности военного «ядерного выбора» в зависимости от ситуации с нераспространением в регионе и в мире, будущей внешней и военной политики КНР, а также эволюции японских отношений в области безопасности с США.

Полномасштабное обретение КНДР ядерного статуса может стать главным стимулом для крутого поворота ядерной политики Японии. Также к этому способна подтолкнуть военная акция КНР против Тайваня, особенно если США пассивно на этоотреагируют, будучи завязанными в кризисах на Ближнем и Среднем Востоке. Наконец, такой выбор Япония может сделать в результате вооруженного кризиса на Корейском полуострове, вызванного коллапсом правящего на Севере режима или непредсказуемыми последствиями военной акции США.

Безусловно, дипломатическое урегулирование ядерной проблемы КНДР и сопутствующих вопросов помимо их важности как таковых является ключом к ближне- и среднесрочному сохранению мирной направленности ядерной программы Японии. Гарантировать его на постоянной основе может подключение КНР к ограничениям стратегических ядерных вооружений, например, в трехстороннем формате вместе с Россией и США (некоторые варианты такого ограничения изложены в первом докладе настоящего проекта «Ядерное сдерживание и нераспространение»).

Китайская политика в области ядерного и ракетного нераспространения в регионе и в глобальном масштабе претерпевает в последние годы положительные перемены. Китай постепенно отходит от пропагандистской риторики и становится все более активным участником механизмов и режимов ДНЯО и других структур нераспространения. Также заслуживает высокой оценки ведущая и конструктивная роль КНР на шестисторонних переговорах по Северной Корее.

В то же время не может не вызывать озабоченность масштабное наращивание боеспособности и технической оснащенности китайских вооруженных сил, которое невозможно объяснить ростом каких-либо угроз безопасности КНР с севера, востока, юга или запада. Напротив, военные потенциалы окружающих Китай стран и в примыкающих к нему зонах имеют в последнее десятилетие устойчивую тенденцию к сокращению. Не меньшую озабоченность создает ракетно-ядерная программа КНР, которая практически полностью засекречена, но опирается на расширяющуюся базу военно-технических разработок и испытаний, объективно формирующую (наряду с растущими финансовыми возможностями) стартовую площадку для возможного форсированного наращивания ракетно-ядерных сил страны (подробнее об этом тоже сказано в первом докладе настоящего проекта). Страны региона все чаще задаются вопросом: куда может быть в будущем обращена эта растущая мощь сил

общего назначения под прикрытием крупного потенциала ядерного сдерживания: против Тайваня, России, Японии, американского военного присутствия или на нефтеносный шельф южных морей?

Предсказуемость и стабильность военно-политической ситуации в регионе может быть обеспечена помимо подключения КНР к ограничению стратегических вооружений США — России также расширением мер ограничения сил общего назначения (в дополнении к имеющемуся договору о таких мерах в зоне границы КНР с Россией и странами Центральной Азии), развитием мер доверия, транспарентности и военного сотрудничества государств региона.

В более широком аспекте этому могли бы способствовать шаги по укреплению безопасности в региональном масштабе. В этом плане шестисторонние переговоры следует превратить в постоянно действующий форум обсуждения и решения проблем Северо-Восточной Азии: укрепления региональных механизмов и режимов ядерного и ракетного нераспространения и экспортного контроля, мероприятий ИБОР, борьбы с терроризмом, незаконной миграцией, новой «работоторговлей», браконьерством, пиратством, торговлей наркотиками, контрабандой (в том числе оружия), трансграничной организованной преступностью и других современных вопросов безопасности.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. В его компетенцию не входит предоставление грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Идея создания Московского Центра Карнеги родилась в 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.carnegieendowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 103009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (095) 935-8904; Факс: +7 (095) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

Настоящий доклад является третьим из четырех в рамках исследовательского проекта под общей рубрикой «Нераспространение ядерного оружия в эпоху глобализации».